

С. Л. Фирсов
ГРИГОРИЙ РАСПУТИН:
100 ЛЕТ В ЖЕРНОВАХ «ИСТОРИЧЕСКОГО МИФА»

**Штрихи к вопросу о психологии восприятия
личности «Друга Царей»**

В конце декабря 2016 г. отмечалась 100-летняя годовщина со времени убийства сибирского странника и «Друга» семьи последнего русского самодержца — Григория Ефимовича Распутина (1869–1916). Прошла целая эпоха, давно ушло поколение, для которого он был современником, оценивавшимся в контексте имперского прошлого и пришедшей ему на смену советской эпохи строительства «нового мира». Наконец, канула в Лету и советская государственность с ее обязательными атрибутами — безусловной критикой царского самодержавия и ленинскими утверждениями о «гнилости», «гнусности», «цинизме» и «разврате» «царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее»¹.

Но, несмотря на это, отношение к Гр. Распутину продолжает оставаться пристрастным, он не стал «человеком истории», воспринимаясь, как и ранее, идеологически ангажировано. Правда, если в 1910-е гг., при жизни «старца», и в течение советского времени о нем говорили и писали в большинстве случаев сугубо отрицательно, грубо, даже вульгарно, предпочитая обращать внимание на явление «распутинщины», *беззастенчиво перевирая факты и внося посильный вклад в упрочение лживой «распутинской сказки»*², то в постсоветский период появилось множество его почитателей, заявляющих о безусловной «святости» сибирского странника, о том, что он стал жертвой

¹ Ленин В. И. Письма из далека // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 31. С. 12.

² В качестве примера можно указать на книжку «Правда о петербургских “святых”» советского «популяризатора атеизма» и «борца с мракобесием» Н. И. Юдина, в которой была специальная глава «Святейший патриарх с Гороховой». Не разбирая сей «высокохудожественный» опус подробно, отметим лишь то, что автор называет Гр. Распутина авантюристом, заменившим в царских апартаментах «царского молитвенника» Иоанна Кронштадтского, и, вспоминая убийство сибирского странника, говорит, что после революции «останки Распутина трудящиеся Царского Села вырыли из могилы, зарыли ими пушку и выстрелили...» (Юдин Н. И. Правда о петербургских «святых». Л., 1966. С. 97, 115). Как видим, «стрельба телом», известная в связи с историей смерти в 1606 г. Лжедмитрия I, оказывается, имела достойное «продолжение» в 1917 г.

клеветы и обмана врагов православной государственности и последнего самодержца. Поменялся «знак», но безапелляционность оценок в целом преодолевается с трудом (хотя ныне составила уже целая библиотека из книг и статей, в которых делаются попытки — часто успешные — нарисовать деидеологизированный портрет Гр. Распутина³).

Упомянув о «знаке», следует сказать, что в дни 100-летней годовщины со времени убийства Гр. Распутина громко зазвучали голоса «ревнителей», появились публикации рассуждавших о сооружении памятника «старцу». Так, 25 декабря 2016 г. в Москве, в помещении Международного фонда славянской письменности и культуры, состоялся круглый стол, на котором был даже представлен макет памятника. «Памятники старцу Григорию планируется установить в Санкт-Петербурге, Москве, Сибири...» — заявляется в статье, опубликованной на сайте «Имперского казачьего союза», члены которого безапелляционно указывают на то, что он был оклеветан⁴. В интервью, данном «Огоньку», президент РОО «Православная миссия по возрождению духовных ценностей Русского народа» И. Е. Смыков тогда же подчеркнул, что «старец» был «ритуально оклеветан и убит». Само утверждение о «ритуальной клевете» весьма красноречиво и показательно.

Это — нечто новое в «распутинской» теме, ибо понять, чем «ритуальная клевета» отличается просто от лживых заявлений, сознательных подтасовок, политических инсинуаций и т. п., очевидно, могут только глубоко уверовавшие в невозможность иначе («не ритуально») уничтожить «Друга Царей». И все-таки, оставив за скобками подобное заключение, обратим внимание на то, как подается информация о Гр. Распутине И. Е. Смыковым. Для него очевидно, что «старец» занимал неофициальное положение советника царской семьи, что он обладал даром не только целительства, но и предвидения, и что

³ Среди изданных в последнее время в России «деидеологизированных» книг о сибирском страннике можно, в частности, назвать работы: А. В. Терещука «Григорий Распутин. Последний “старец” империи» (СПб., 2006), А. Н. Варламова «Григорий Распутин-Новый» (М., 2007), А. П. Коцюбинского и Д. А. Коцюбинского «Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна» (СПб., 2014). Социально-психологический интерес представляет и работа И. В. Князькина «Большая книга о Распутине» (СПб., 2007). Автор, на момент издания «Большой книги...» — кандидат медицинских наук, предпринял попытку «врачебного анализа» всего, что было связано с сибирским странником, дал собственные ответы на вопрос, в чем состоял секрет влияния Г. Е. Распутина на женщин, какова была его «истинная роль» в российской политике, какие отношения связывали «старца» и Ф. Ф. Юсупова, наконец, стал ли он жертвой международного заговора. Вопрос о «заговоре» рассматривается (на мой взгляд, — в «конспирологическом ключе») и в книге О. А. Шишкина «Убить Распутина» (М., 2000). Не апологетизируя «старца», автор пытается доказать безусловную заинтересованность английской разведки в его физическом устранении. Об убийстве Г. Е. Распутина идет речь и в работе российской писательницы Р. Л. Хаустовой «Капричос. Дело об убийстве Распутина» (М., 2007).

⁴ К Столетию убийства русского крестьянина Григория Ефимовича Распутина // Имперский казачий союз верноподданных казаков. URL: <http://iks2010.info/?p=105109>.

он был убит адептами оккультного общества, организованного агентами британской разведки. Русские дворяне, участвовавшие в убийстве, называются «аристократической чернью», ко времени революции «духовно выродившейся» (не случайно вспоминается и о том, что Ф. Ф. Юсупов был бисексуалом, а убийцы аттестуются как «кружок оккультистов-гомосексуалистов»). «Когда в России, согласно многих пророчеств святых, будет восстановлена Православная Самодержавная Монархия, старец Григорий будет непременно прославлен», — подчеркивает И. Е. Смыков, вспоминая старую историю о двойниках «старца», якобы использовавшихся для его дискредитации⁵.

Все интервью пересказывать бессмысленно: и так ясно, что имел в виду президент РОО «Православная миссия...». Старые песни о святости сибирского странника особенно не подновляются, о логике собственных построений интервьюируемый заботится мало, например никак не поясняя, как могла «выродиться» «аристократическая чернь», дошедшая до реализации замысла об убийстве Гр. Распутина: ведь что брать с «черни», она, по идее, уже пребывает «на дне». Но интересно не только это. Интересно то, что в стремлении обосновать собственную правоту «ревнители» прибегают к использованию разных «благочестивых» мифов и легенд о «старце», в очередной раз не столько восстанавливая его «истинный портрет», сколько укрепляя старые басни «ревнителей памяти “Друга Царей”» новыми историями его откровений, не забывая, впрочем, указывать: «Многие его подлинные слова ныне сокрыты, ведь он говорил прикровенно и особо доверенным людям»⁶. Сокрытые «ныне» откровения сибирского странника, вероятно, когда-нибудь откроются, но когда именно — не уточняется.

Впрочем, важнее отметить иное: в декабре 2016 г. 100-летие со дня убийства Гр. Распутина не было обойдено вниманием сторонников исторической реабилитации «старца». «В Санкт-Петербурге в православном театре “Странник” прошел памятный вечер, посвященный 100-летию убийства Григория Ефимовича Распутина, — сообщила информационно-аналитическая служба Русской народной линии. — Инициаторами и организаторами мероприятия являются “Русская народная линия” и издательство “Царское Дело”. Театр оказался переполнен, мест на всех пришедших не хватило, некоторым пришлось стоять в проходе». Событие состоялось 29 декабря 2016 г., на подиуме были установлены портреты сибирского странника и образ отца Николая Гурьянова с «иконой» Гр. Распутина в руке⁷. Апологетическая на-

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ В Санкт-Петербурге прошел памятный вечер, посвященный 100-летию убийства Григория Распутина // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/rnl_tv/2017/2/12/v_sanktpeterburge_proshel_pamyatnyj_vecher_posvyawennyj_100letiyu_ubijstva_grigoriya_rasputina/.

правленность мероприятия была понятна с самого начала, ее никто не скрывал⁸. Так, обращаясь к присутствующим в театре, директор Православного радио Санкт-Петербург С. Е. Васильев «выразил надежду [на то], что вечер поможет в церковном прославлении старца Григория», что «его канонизация необходима во имя торжества Русского мира»⁹. Канонизация напрямую связывалась с будущим страны, даже шире — с «русской цивилизацией». Задача, безусловно, не могла не впечатлить.

Тогда же, 29 декабря 2016 г., в газете «Завтра», издающейся под руководством А. А. Проханова, был опубликован блок материалов о Гр. Распутине, причем среди авторов были не только «апологеты» сибирского странника, но и историки, пытающиеся говорить о нем более сдержанно. Но и те и другие писали о нем как о человеке выдающемся, повлиявшем на ход русской истории, оставившим в ней заметный след. Хулы в материалах не было, речь шла о незаурядной личности, для некоторых — как о личности святого¹⁰. Быть может, подборка неоднозначных (в смысле «апологетики» сибирского странника) материалов была связана с тем, что А. А. Проханов до конца не определился в своем отношении к Гр. Распутину, а может быть, на публикации материалов настоял его сын и одновременно заместитель главного редактора газеты «Завтра» А. А. Фефелов.

Последний, посетив памятный вечер в православном театре «Странник», заявил присутствовавшим там зрителям, что в его душе нет кристально чистого образа Распутина, так как он не духовидец. При этом А. А. Фефелов полагает, что за Распутиным есть тайна, которая через 100 лет будет разрешена («Его канонизация необходима во имя торжества Русского мира»). О «духовидчестве» рассуждать проблематично, как и о «тайне Распутина», сроки разгадки которой определяются писателем вполне конкретно (хотя и отодвинуты в весьма отдаленный период). Но совершенно понятно, что появление А. А. Фефелова на петербургском вечере почитателей «старца» случайным быть не могло. В любом случае, публикаторы «Завтра» — газеты, в которой чаще других слов звучат слова о «патриотизме» и любви к России, — прекрасно отдают себе отчет в том, что «старец» — фигура знаковая, без оценки которой трудно говорить о корнях русской революции и о всем том, что эта революция породила.

⁸ Степанов А. Первая жертва кровавой революции // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/11/28/pervaya_zhertva_krovavoj_revolyucii.

⁹ «Его канонизация необходима во имя торжества Русского мира» // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/12/30/ego_kanonizaciya_neobhodima_vo_imya_torzhestva_russkogo_mira/&?print=y.

¹⁰ 100 лет назад убит Распутин. Фигура старца Григория до сих пор вызывает споры // Завтра. URL: http://zavtra.ru/blogs/100 лет_nazad_ubit_rasputin. Среди авторов были: А. Пыжиков, О. Шишкин, Ю. Воробьевский, Л. Болтин.

Еще раньше, 21 ноября 2016 г., в Москве была организована историческая конференция «Столетие мученического подвига Друга Царской Семьи Григория Ефимовича Распутина-Нового», состоявшаяся в рамках выставки «Русь Православная». Организатором выступил Русский культурно-просветительный Фонд имени Святого Василия Великого, вел конференцию его председатель — В. Бойко-Великий. На конференции были представлены и рассмотрены труды историков «апологетического» направления — А. Н. Боханова, О. А. Платонова, С. В. Фомина, что изначально превращало форум в подобие исторической «комиссии по реабилитации». Собственно, в этом и заключалась главная идея организаторов: попытаться перевести вопрос о личности Гр. Распутина в русло его восхваления и разоблачения тех, кто воспринимал и воспринимает сибирского странника отрицательно. «Для нас, православных, — подчеркивал в своем выступлении В. Бойко-Великий, — недопустимо, что святые люди подвергаются изощренной клевете. Наша задача в это тяжелое время — снять клевету и восстановить славное имя Григория Ефимовича Распутина-Новый, как великого Друга Царской Семьи, миротворца, великого молитвенника за Царскую Семью, Царевича Алексея и Святую Русь»¹¹.

Как видим, в данном случае историческую истину о «старце» никто искать не собирался — участникам конференции она и так была ясна. Задача ставилась и решалась по-другому, в русле «восстановления славного имени». О том, что имя — безусловно «славное» речь не шла, для участников конференции 21 ноября сие было понятно задолго до того, как они собрались для разговора о «мученическом подвиге». Заметим, что сама постановка вопроса такова, что ответа искать не нужно: он определен заранее. Желание идти от изначально сформулированной концепции к необходимым для ее подтверждения источникам — старая и порочная практика, которую можно назвать печальной традицией «изучения» советской и партийной истории. То, что ей следуют современные «апологеты» святости Гр. Распутина, факт скорее психологического, чем исторического свойства: отторгая прежний миф, они конструируют собственный, выдаваемый за истину с помощью тех методов, которые разрабатывались и использовались идеологически ангажированными деятелями казенной историко-партийной науки в эпоху существования СССР.

Коммунистический догматизм странным образом перерождается в догматизм нового типа, который можно с достаточной долей условности назвать «православно-модернистским». Парадоксальным образом люди, позиционирующие себя в качестве православных традиционалистов и консерваторов, оказываются скорее «религиозными реконструкторами», разоблачающими

¹¹ Научная историческая конференция «Столетие мученического подвига Друга Царской Семьи Григория Распутина» // Московскія Вѣдомости. URL: <http://mosved.ru/article/20611.html>.

старые (по их мнению — тотально лживые) представления о Гр. Распутине с такой же страстностью и непримиримостью, с какой с 1930-е гг. строители «нового мира», желая в кратчайшие сроки создать образцовый коммунистический город, ломали старую Москву.

С другой стороны, не следует забывать и об общественных деятелях, придерживающихся иных, нежели упомянутые «апологеты», взглядов на прошлое страны, на жизнь и деятельность сибирского странника. Они также не забыли о 100-летней годовщине его убийства. Для примера можно вспомнить о публикации в ульяновской «Урлпрессе» статьи публициста С. Поленова с характерным названием «Распутин как символ распада». Показательна мотивация автора: он пишет о «старце», наблюдая в современной России «потуги» возродить его культ «и даже осуществить его церковную канонизацию». Заявляя это, автор указывает: происходящее имеет место «при явной поддержке властей предрежащих». На чем основано последнее утверждение — не говорится, хотя понятно, что для С. Поленова Гр. Распутин — личность, вызывающая только отрицательные чувства. Не вдаваясь в оценку публицистически хлестких утверждений, многие из которых не лишены здравого смысла, отметим только одно: автор статьи называет «старца» «симптомом разложения верхов», а не прямой причиной катастрофы 1917 г. Современные попытки воскресить его культ, полагает автор, опасны тем же самым: они могут привести к катастрофе¹². Культ сибирского странника, таким образом, оценивается как политическое оружие, способное не укрепить, но разрушить российскую государственность. Получается, что апология Гр. Распутина воспринимается как политическая проблема, а разговоры о его канонизации — как политически вредные для государства. То, что для «апологетов» есть безусловное благо, для их критиков — столь же безусловное зло, причем и «благо», и «зло» окрашиваются не столько в исторические цвета, сколько в цвета по-разному понимаемой заботы о государстве. «Символ» один, а символизирует — разное.

Еще более жестко пишется о Гр. Распутине в заметке И. Э. Романова — российского анархиста, человека крайне левых взглядов, в 2015 г. осужденного за приготовление к террористическому акту и изготовлению взрывчатки¹³. Находясь в заключении, он написал о Гр. Распутине в духе воинствующих радикалов начала прошлого века, с полемическим задором утверждая: «Вряд ли можно усомниться, что без Распутина не было бы революции. Распутин на протяжении десяти лет истощал всякое терпение общества, выступая при этом “в паре” с императрицей Александрой Фёдоровной». Для И. Э. Романова

¹² Поленов С. Распутин как символ распада // УЛПРЕССА. URL: <http://ulpressa.ru/2017/01/13/rasputin-kak-simptom-raspada/>.

¹³ Нижегородский анархист Илья Романов приговорен к 10 годам колонии за подготовку теракта // Медиазона. URL: <https://zona.media/news/2015/06/08/ilya-romanov-10>.

очевидно, что Гр. Распутин — персонаж безусловно отрицательный, раздражавший как русских правых, так и либералов. Его смерть, по И.Э. Романову, — закономерна и естественна: «пар переполнил котел терпения верхней части общества» и «пьяного похотливого мужика убили и скинули в прорубь».

Сказав эти слова, он поясняет свое видение «философии истории», а точнее — логики развития русской революции, говоря, что это убийство — «своего рода “момент истины” — стало понятно, что МОЖНО». Далее — заблокировали царя в поезде, заставили отречься от престола. «Дальше уже подъем пошел по все более широкому слою народа»¹⁴. Здесь представлен даже не политический, а скорее идеологический подход к теме, верные наблюдения совмещены с грубым социологизированием. «Классовый подход» не оставляет иного выхода, как попытаться вписать в изначально оформленную схему конкретную историческую личность и рассмотреть ее с точки зрения общего развития политической ситуации в стране. То, что для И.Э. Романова это представляется так, а не иначе, можно судить исходя из логики его собственного повествования: рассказывая о Гр. Распутине, он проводит параллели с современным политическим состоянием России, пытается анализировать феномен «распутинщины» применительно ко временам 1990-х гг. И.Э. Романов связывает *человека и явление*, названное его именем, не обращая внимания на то, что последнее во многом было мифологизировано еще до революции 1917 г., особенно в период Великой войны, когда личность «Друга Царей» в глазах его хулителей стала восприниматься как символ «моральной деградации» верховной власти.

Примеры, приведенные выше, лишний раз свидетельствуют об одном неизменном факте, с которым трудно не согласиться: «историческая давность» для Гр. Распутина не наступила, он продолжает волновать людей совершенно разных идеологических и политических настроений, пытающихся осмыслить русскую трагедию XX века — революцию 1917 г., ставшую не только социальной катастрофой многомиллионного народа, но и кардинальным психологическим сломом, последствия которого дают знать о себе и сегодня.

Как же в таком случае следует нам относиться к Гр. Распутину?

Следует ли пытаться «реабилитировать» его, выступая в неблагодарной роли политических адвокатов минувшего, или же, наоборот, продолжать, хотя и без ленинской грубости, поддерживать линию на «разоблачение» царского «Друга»?

Полагаю, что таким образом вопрос не следует формулировать. Корректнее посмотреть на Гр. Распутина как на символ того мира, который после 1917 г. навсегда ушел с исторической сцены, по слову современника — «потонул». Но символ всегда есть то, что он символизирует. Неужели Гр. Распутин

¹⁴ Илья Романов: К 100-летию убийства Григория Распутина // Александр Майсурян. URL: <http://ru-polit.livejournal.com/11079643.html>.

символизирует старую Россию, неужели мы не в состоянии выбрать иную персону, иного героя?

Безусловно, такой выбор возможен, но дело заключается в том, что Гр. Распутин не приходится «выбирать»: волею сверхличных обстоятельств он оказался в фокусе истории предреволюционной России — и для сторонников монархической государственности, и для ее противников. В этом — его историческое значение и его историческая роль, но в этом же — и его беда. Превращенный усилиями не столько исследователей, сколько публицистов, журналистов и писателей в сказочного персонажа, он, кажется, полностью потерял в этой сказке свою индивидуальность. Ведь сказочный, мифологический герой нам интересен прежде всего и преимущественно потому, что позволяет понять сокровенную сущность самой «сказки», «мифа», которые, даже если ложны, содержат некий «намеки», помогающий решить историческую задачу, вынести «урок», найти собственную «точку опоры» в жизни — как осмысленного существования в *конкретную* эпоху, связанную с *конкретным* (не выдуманным) прошлым.

Можно ли отказаться от мифа о прошлом и, соответственно, от заданного представления о героях прошлого, тем более, что в разные времена идеологические приоритеты современников различны?

Теоретически рассуждая, это возможно тогда, когда ослабевает непосредственная связь минувшего с современной исследователям реальностью, т.е. когда реальность перестает от него зависеть. О временах и сроках, конечно, говорить не приходится — здесь общих, универсальных правил не существует, но очевидно, что для революции 1917 г. «историческая давность» не наступила. Вспомним: в советский период о России Николая II отечественные исследователи вынуждены были писать, обращая внимание на закономерность не столько о «гибели самодержавия», сколько прихода к власти партии большевиков. В постсоветское время отказ от этого подхода содействовал не только появлению глубоких аналитических работ, свободных от прежнего «классового» подхода, но и популяризации представлений о «злых силах» (масонах, «мировой закулисе» и т.п.), способствовавших обрушению здания монархической государственности. Оказалось возможным описывать и объяснять прошлое, используя легендарные представления о «потерянной России», глава которой представал выдающимся человеком — и как государственный деятель, и как Верховный Ктитор Православной Церкви.

Идеализация правителя неизбежно должна была сказаться и на пересмотре вопроса о «Друге Царей», многолетнее шельмование которого закономерно вызвало реакцию отторжения. Происхождение этой реакции вполне понятно, как понятно и то, что восприятию сибирского странника в качестве «оклеветанной жертвы» опосредованно содействовала и канонизация последнего императора и его семьи. Тем более, что Гр. Распутин уже

при жизни стал превращаться в миф, растворяясь в многочисленных слухах и сплетнях, часто претенциозных и лживых. В связи с этим объяснимо стремление ряда историков, занимавшихся изучением предреволюционной России, разоблачить ложь (как они ее понимали) и преодолеть миф, побороть его «исторической правдой».

Но возможно ли побороть миф?

На мой взгляд, это сизифов труд, поскольку миф живет по своим законам, развивается по собственным правилам, корректируется временем, подстраиваясь под него. Если принять во внимание, что миф есть, прежде всего, содержание, а не соответствие историческим свидетельствам, что в современной жизни реалии мифа имеют более не познавательный, а поведенческий характер и как побуждение к действию он не исчерпал свои возможности, то тогда станет понятна вся абсурдность борьбы с ним. Миф о Гр. Распутине в данном случае не исключение. Просто на смену одному, «ложному», неизбежно приходит другой, «истинный». И вне его оказывается невозможно проводить полноценную историческую реконструкцию, которую вряд ли допустимо оценивать как «анатомию мифа». Для изначально пристрастного «анатома» подобная реконструкция неизбежно превращается в стремление разоблачить, доказать неправильность прежних «антиисторических» построений. В этом — суть их методологии, хотя многое зависит от соответствия формы подачи материала его содержанию.

Показательны в связи этим работы А. Н. Боханова — московского исследователя, в 2000-е гг. активно публикующего книги о сибирском страннике. Сами их названия весьма красноречиво свидетельствуют о взглядах автора: «Распутин. Анатомия мифа» (М., 2000), «Распутин. Быль и небыль» (М., 2006), «Правда о Григории Распутине. Против фальсификации российской истории» (М., 2011). А. Н. Боханов, называя Гр. Распутину одним из самых загадочных и наиболее известных персонажей истории, справедливо указывал на то, что долгие годы его неизменно представляли в образе «некоего демонического антигероя, мрачного символа последней главы истории монархической России. В таком виде, — подчеркивал автор, — Распутин — миф, один из самых первых и наиболее живучих продуктов “черного пиара”»¹⁵. С мифом он и борется, приобретая последователей и сторонников из рядов почитателей «старца», становясь их идеологическим союзником. Однако считать А. Н. Боханова только «рапсодом», исполняющим чей-либо заказ, было бы совершенно неверно. Его заявление о том, что распутинская тема — «ярчайший показатель тяжелейшего духовно-психологического раскола страны, раскола, ставшего детонатором революционного взрыва 1917 года»¹⁶,

¹⁵ Боханов А. Н. Распутин. Анатомия мифа. М., 2000. С. 2.

¹⁶ Боханов А. Н. Григорий Распутин. Мифы и реальность. М., 2014. С. 14.

на мой взгляд, точно и обоснованно. Другое дело, что сам уважаемый автор, занимаясь изучением этой темы, оказывается в рядах исторических реабилитаторов сибирского странника, хотя и стремится при этом максимально корректно использовать широкий круг привлекаемых источников.

Среди наиболее активных почитателей следует упомянуть О. А. Платонова и С. В. Фомина, также давно и упорно работающих над разоблачением прежних антираспутинских представлений. Первый из упомянутых лиц может быть назван «пионером» нового — разоблачительного по отношению к предшествовавшей «антираспутинской» историографии — направления. Еще в 1996 г. он опубликовал книгу, посвященную сибирскому страннику под названием «Жизнь за Царя», в которой, заявляя о воссоздании истинного облика Распутина, пытался доказать, что его образ как «всесильного временщика — создан в угоду силам, разрушавшим Россию и Царский Престол», что между «придуманным Распутиным и реальным человеком нет ничего общего»¹⁷. Реальный Гр. Распутин и у А. Н. Боханова, и у О. А. Платонова — это религиозный праведник из народа, противопоставляемый утратившей религиозное чувство русской интеллигенции и царской церковной бюрократии. Само это противопоставление — сознательный прием, доказывающий, что преодоление советской исторической схемы оказалось возможным для этих авторов лишь посредством конструирования своей собственной жесткой схемы, в которой места «правильных» и «неправильных» героев изначально определены и не подлежат изменению.

Такой же идеологически ангажированный прием использует при составлении сборников документов, посвященных Гр. Распутину и его эпохе, а также комментариями к ним С. В. Фомин, православный публицист и историк, с 2007 г. опубликовавший сборники «Григорий Распутин. Расследование»¹⁸. Его работа, само название которой обращает внимание читателя прежде всего на юридический аспект вопроса («расследование»), — на сегодняшний

¹⁷ Платонов О. А. Жизнь за Царя. Правда о Григории Распутине. СПб., 1996. С. 2.

¹⁸ См.: Григорий Распутин: расследование. М., 2007–2015. (Книга первая: Наказание правдой (2007); книга вторая: «А кругом широкая Россия...» (2008); книга третья: «Боже! Храни своих!» (2009); книга четвертая: «Судья же мне Господь!» (2010); книга пятая: «Ложь велика, но правда больше...» (2010); книга шестая: «Страсть как больно, а выживу...» (2011); книга седьмая: «Милые, дорогие, не отчаивайтесь» (2013)). Помимо этих книг, вне серии, в 2012 г., был выпущен мемуарно-документальный сборник, включающий «свидетельства духовно наиболее близких Григорию Ефимовичу лиц» — его дочери Матрены, А. А. Вырубовой, М. Е. Головиной и членов Царской Семьи». Завершением «расследования» стала книга-альбом С. В. Фомина «Весь ветром подбит. Образ Г. Е. Распутина в фотографиях и произведениях искусства» (2015). В ней рассказывается об обстоятельствах и месте убийства «старца», об убийцах, об обнаружении, захоронении и уничтожении тела Гр. Распутина. Кроме того, автор-составитель заявлял о своем стремлении раскрыть через фотографии и другие изобразительные материалы личность и жизнь Г. Е. Распутина.

день наиболее полная версия религиозно-политической «реабилитации» сибирского странника, враги которого представлены как враги царя и России. Для С. В. Фомина Гр. Распутин — безусловный праведник, чья жизнь была сознательно фальсифицирована. Приводя массу интересных и малоизвестных материалов, анализируя книги различных авторов, писавших о «старце», автор анализирует и разоблачает миф о нем, к сожалению, не осознавая, что одновременно с этим создает новый. Разоблачая предвзятость прежних времен, используя в качестве девиза фразу отца Николая Гурьянова о том, что «неправда поможет открыть правду», С. В. Фомин изначально показывает, что правду он знает, своими публикациями лишь «освобождая» ее от «глыб клеветы». Историческая по замыслу работа тем самым превращается в работу апологетическую, а ее автор-составитель — в идейного пропагандиста святости «Друга Царей».

Однако если С. В. Фомина можно назвать историком, для которого документы, пусть даже отобранные и прокомментированные в соответствии с изначально принятой установкой на доказательство «праведности» Гр. Распутина, — фундамент проводимого исследования, то для филолога Т. Л. Мироновой Гр. Распутин — великий святой, понять жизнь которого возможно лишь с учетом «правильного» восприятия религиозного подвига последнего самодержца, которому она призывает молиться, восклицая: «Святой Царю Николае, искупителю грехов наших, великомучине, моли Бога о нас!» Таким образом, оценка деяний Гр. Распутина связывается автором с «царебожием» — постоянно осуждаемым священноначалием Русской Православной Церкви «учением» экзальтированных почитателей императора Николая II. Отречение от царя — Помазанника Божьего, по словам Т. Л. Мироновой, было отречением «от самого Господа и Христа Его»¹⁹.

Кем же в таком случае был Гр. Распутин?

Ответ дается простой и ясный: «Он был сомолитвенником Помазанника Божия за Русское Самодержавное Царство». Автор договаривается до того, что заявляет: после смерти «старца» Николай II носил его крест²⁰. Если «искупитель» носил крест Гр. Распутина, то его следует почитать по меньшей мере святым, а вернее — русским пророком, предвидевшим будущее и обличавшим современное ему зло. Понятно, почему Т. Л. Миронова заявляет о «ритуальном» убийстве сибирского странника, называя его прообразом екатеринбургского мученичества. Убийство «Друга Царей» подготовило и екатеринбургский «ритуал»²¹. В работе Т. Л. Мироновой все обнажено до предела,

¹⁹ *Миронова Т.* Из-под лжи. Император Николай II и Григорий Распутин. Краснодар, 2005. С. 26, 28, 33.

²⁰ Там же. С. 110, 113.

²¹ Там же. С. 141–142, 144.

она без стеснения говорит о «ритуале», об «иудейской афере» с двойником сибирского странника, о том, что через «поношение» имени Гр. Распутина предавалось поношению и имя государя, связывая их неразрывно и прочно и представляя как некое единое духовное целое. Получается, что рассуждая о духовном облике царя, необходимо подчеркивать великое и благотворное влияние Гр. Распутина, иначе ошибка неминуема. По сути, Гр. Распутин предстает своеобразным «Иоанном Крестителем» царя-«искупителя», что выглядит не только абсурдно, но и кощунственно.

Однако неумные почитатели сибирского странника этого видеть не хотят, не только популяризируя старый тезис об «оклеветанном старце», но и творя новые мифологические истории. Наиболее ярким и полностью абсурдным примером подобного «творчества» можно считать книгу Т. И. Гроян (монахини Николаи), которая составила и опубликовала объемную книгу с характерным названием: «Мученик за Христа и за Царя. Человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлаго Отрока». Книга эта — настоящий кладезь всевозможных назидательных сказок, связанных с именем Гр. Распутина, хотя и не слишком внятно рассказанных. Главное, впрочем, заключается в том, что разговор о праведности сибирского странника ведется Т. И. Гроян *лишь в контексте разговора о царской семье*. Более того, Григорий Распутин называется пророком и вместилищем Божественной благодати. «Святому Царскому Семейству и Человеку Божию Григорию дано было Господом пострадать, дабы очистить от терний и плевел Россию»²², — заявляет Т. И. Гроян. Итак, Гр. Распутин характеризуется как «очиститель» страны, которая благодаря его смерти, предшествовавшей убийству царской семьи, сумела избавиться «от терний и плевел». Что значило это очищение в условиях воинствующего богоборчества большевиков, в годы советской власти, остается только догадываться. Зато дан простор для интерпретации великого подвига сибирского странника.

Указанные работы «апологетов», впрочем, могут рассматриваться лишь как эпигонские: о святости «старца» впервые заговорили православные маргиналы так называемой «Катакомбной Церкви», на своем «Освященном Соборе» в феврале 1991 г. «канонизировавшие» Гр. Распутина как мученика²³. Приблизительно в тот же период свою деятельность по «очищению» имени сибирского странника от «лжи» и «наветов» активизировал московский журналист А. А. Щедрин, в 1994 г. под псевдонимом Н. Козлов опубликовавший брошюру «Друг Царей», большую часть которой составили избран-

²² Гроян Т. Мученик за Христа и за Царя. Человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлаго Отрока. М., 2001. С. 15.

²³ См. подр.: Фирсов С. Л. На весах веры. От коммунистической религии к новым «святых» посткоммунистической России. СПб., 2011. С. 298.

ные места из переписки императора Николая II с супругой — разумеется, о Гр. Распутине. Для Н. Козлова сибирский странник — великий старец, «ритуально» убитый врагами православия. Воинствующий антисемитизм — вот тот стержень, на котором крепится вся его нехитрая конструкция²⁴.

Идея святости Гр. Распутина была брошена в православную среду в условиях, когда вопрос о восстановлении исторической правды, в том числе и правды о Церкви в империи и в годы «советского плена», был актуализирован, когда историки смогли без идеологических препонов приступить к изучению корней русской революции. Идея оказалась благоприятно воспринятой определенной частью православных исследователей, искренне желавших преодолеть предшествовавшую предвзятость и фальшь. Так появились многочисленные статьи и брошюры, в которых писалось об «оклеветанном старце» как о праведнике, злоумышленно представленном его врагами (и врагами России) в качестве хитрого, развратного и циничного обманщика. Критика подобных взглядов священноначалием Русской Православной Церкви²⁵ не привела и не могла привести к искоренению идеи святости Гр. Распутина как таковой, поскольку у адептов «старца» есть твердое убеждение в собственной правоте, а на убеждение логика действует слабо.

Как видим, к 100-летию со времени убийства Гр. Распутина вопрос о нем, как и вопрос о мифе, прочно с ним связанном, оказывается актуальным, а предубеждения против него, имевшие место еще в дореволюционном обществе и перешедшие в общество советское (правда, обличавшее «старца» уже с «классовых позиций»), не преодоленными, а «преображенными» воинствующей апологетикой, поставившей целью развенчать и дезавуировать антираспутинских критиков прошлого. Преодолеть «обличительный тон» советской литературы, отказавшись от ностальгического монархического мифа, взятого на вооружение в литературе эмигрантской и распространявшегося в России постперестроечной, не удалось. Наоборот, миф этот оказался благодатной почвой для того, чтобы заняться идеологической (а вслед затем — и религиозной) реабилитацией сибирского странника, личность которого рассматривается «апологетами» точно так же, как светскими судьями какое-нибудь дело об оскорблении чести и достоинства.

Случайно ли это?

Скорее всего, не случайно. Догматическое воспитание в русле «единственно верного» учения, которое прошли все известные современные «апологеты», весьма непросто изжить. Борьба за правду оказывается более востребованной,

²⁴ См.: Козлов Н. Друг Царей. Б/м, 1994; См также: Фирсов С. Л. На весах веры... С. 300–301.

²⁵ См. подр.: Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном собрании 15 декабря 2001 года. М., 2002. С. 33–34.

чем деидеологизированное исследование, пример которого, к слову, можно найти в книге советского диссидента и писателя А. А. Амальрика «Распутин», написанной в конце 1970-х гг., но впервые опубликованной только в 1992 г. Крупнейший знаток предреволюционной истории России — В. С. Дякин, написавший предисловие к этой книге, полагал, что ее прочесть было бы очень кстати всем, кто поддается «ныне» (т.е. в начале 1990-х гг.) обаянию монархического мифа. В. С. Дякин полагал, что работа А. А. Амальрика подействует на таких людей отрезвляюще²⁶.

Прошедшие после того, как приведенные слова прозвучали, 25 лет показали, что преодолеть миф невозможно, а спокойный и уравновешенный разговор о сложных вопросах способны вести далеко не все, кто пробует свои силы на ниве изучения российской истории. Монархический миф, составной частью которого является и миф о «Друге Царей», давно живет самостоятельной жизнью, подчиняясь не принципам исторической науки, предполагающей движение исследователя от источника к обобщению и заключению, а иную последовательность: от изначально принятой (в качестве истинной) сентенции — к подбору (часто весьма скрупулезному) и систематизации необходимых (для изначально утверждения «истинной сентенции») фактов.

Впрочем, дело не только в том. Проблема мифа о «Друге Царей» серьезным образом влияет и на восприятие общеисторического контекста, в который вписана его жизнь как человека. Если общие проблемы кризиса самодержавия конца XIX — начала XX века изучались и изучаются историками посредством анализа и критики различных источников, то миф о Гр. Распутине, о котором собрано огромное количество всевозможных (в том числе изначально лживых) текстов, источники *в принципе* разоблачать не помогают, поскольку, как справедливо заметил крупный современный культуролог А. М. Эткинд, «критика источников в этой области ведет к пустоте». По мнению исследователя, «ситуация предназначена для иного способа анализа. Не так уж интересно, был ли Распутин на самом деле сектантом; был ли он развратен; связан ли был с масонами и так далее. Важнее проследить, кто его считал таковым, а кто нет; от чего зависели эти восприятия; и к каким действиям они вели. В мире Распутина история дискурса открывает более глубокую “правду”, чем история фактов»²⁷.

История дискурса, прилагательно к жизни сибирского странника, по моему мнению, действительно может позволить перевести разговор в русло исследования восприятия его личности — как сторонниками, так и противниками, последователями и преследователями, «апологетами» и «очернителями». Еще В. В. Розанов подчеркивал, что «странник» утонул

²⁶ Дякин В. С. [Предисловие] // Амальрик А. Распутин. Документальная повесть. М., 1992. С. 3.

²⁷ Эткинд А. М. Хлысты. (Секты, литература и революция). М., 1998. С. 585–586.

в море анекдотов о самом себе, которые заволакивают от нас существо дела, и это есть «главное». Чем выше гора анекдотов, полагал философ, тем все они необъяснимее, «и тем это главное вырастает в силе и значительности». В результате «перед глазами России происходит не “анекдот”, а *история* страшной серьезности»²⁸. Приведший эти слова А. М. Эткинд обращает внимание на то, что В. В. Розанов специально выделил слово «история», что это выделение — не случайно. «В самом деле, — продолжает исследователь, — историю Распутина написать почти так же трудно, как написать историю царя Энея или историю Иванушки-дурачка. Можно написать историю вымысла, и невозможно написать историю фактов, которых почти нет; но этот “анекдот”, взятый в целом, и есть “история страшной серьезности”»²⁹.

На самом деле фактов весьма много, но они не столько помогают говорить о жизни Гр. Распутина, сколько позволяют эту жизнь интерпретировать в зависимости от идеологических, религиозных и политических симпатий интерпретаторов. Но история, написанная интерпретаторами тех или иных фактов, неизбежно окажется историей вымысла, т.е. историей мифа.

Но в таком случае можно ли и нужно ли «спасать» сибирского странника из моря анекдотов, в которых он «утонул»? К чему это может привести, тем более что «осушить море» не представляется возможным?

Только к одному: замещению реальности сказкой, главный герой которой начнет говорить так, как того захотят сказители, обращающие внимание то на положительные, то на отрицательные его качества.

В связи со сказанным отдельно следует упомянуть о книге писателя Э. С. Радзинского, чья работа о сибирском страннике впервые увидела свет в 2000 г., а потом несколько раз переиздавалась. В постсоветское время книга Э. С. Радзинского публиковалась огромными — по меркам 2000-х гг. — тиражами (первый — 150 000!). В ней нет ссылок, она написана в форме художественного повествования, автор стремится в популярной форме рассказать о «тайне» Гр. Распутина, показать, кем был «старец» на самом деле и почему он сумел приблизиться к семье русского самодержца. Удалось ли автору задуманное?

Вопрос этот может быть положительно разрешен, если иметь в виду широкую читающую публику. И только ее. Для исследователей работа Э. С. Радзинского стала доказательством того, что никакой тайны он не открыл, но сумел использовать интерес к распутинской теме, возникший после падения в России идеологических запретов. Доктор исторических наук Г. З. Иоффе, много занимавшийся историей русской революции, в своей рецензии на труд Э. С. Радзинского не без скепсиса написал: «Бальзак говорил,

²⁸ См. подр.: Розанов В. В. Апокалипсическая секта. (Хлысты и скопцы). СПб., 1914. С. 204, 205–206.

²⁹ Эткинд А. М. Хлысты... С. 586.

что история подделывается уже в тот момент, когда она делается. А потом ее пишут либо “по заданию партии и правительства”, либо, по выражению Чичикова, “по наклонности собственных мыслей”. Но история, пишущаяся во времена Смуты, это и ажиотажная история — отклик на жажду сенсаций и на необычный коммерческий спрос <...>. Радзинский — талант, соответствующий всем требованиям ажиотажной истории»³⁰.

«Ажиотажная история» — это история, которая не может существовать без «мифологической составляющей», причем неважно, разоблачает автор какое-либо устоявшееся утверждение или утверждает его. В данном случае отношение к «знакам» не имеет никакого значения. И хотя работа Э.С. Радзинского была подготовлена с учетом ранее неизвестного «Дела» о Гр. Распутине, купленного на западном аукционе М.В. Ростроповичем и подаренного автору, она не стала, да и не могла стать сенсацией. Рассказ о «тайне» Гр. Распутина превратился в красивое изложение «распутинского мифа», т.е. в рассуждения о символе, «одедом» в исторические факты. А «одевать» символ — изначально дело неблагодарное, да к тому же неоднократно осуществлявшееся в прошлом (достаточно вспомнить работу режиссера и драматурга Н.Н. Евреинова, изданную в 1924 г., в которой говорилось, что «тайна» сибирского странника может быть объяснена его артистизмом, хлыстовством и гипнозом³¹).

К тому же стремление раскрыть «тайну» в большинстве случаев приводит не к ее развенчанию, а к трансформации, к появлению новой версии «мифа», обрастающего очередными сказочными подробностями. Здесь не следует искать вину автора, поскольку он честно стремился найти правду, конечно — как он ее понимал. Выход из заколдованного круга, не позволяющего приблизиться к восстановлению подлинной картины жизни изучаемого героя, лучше всего искать в социально-психологическом ключе, анализируя то, как его воспринимали — и современники, и потомки, разумеется, с учетом менявшихся с течением лет исторических реалий. Здесь мы можем найти и ключ к разгадке человека, а можем и не найти...

Но в любом ином случае «миф» будет доминировать над «фактом». Как мне представляется, лучше всего преодолеть «мифологическую сказку» удастся не исследователям, а поэтам, стремящимся передать свое восприятие прошлого, используя иносказательный язык и не преследующих цели реконструкции «исторически достоверного» прошлого. На мой взгляд, в отношении Гр. Распутина это лучше всего удалось Н.С. Гумилеву, еще в 1918 г. написавшему стихотворение «Мужик» — о Гр. Распутине, как он его видел и понимал. В этом стихотворении представлена не только жизнь «мужика»,

³⁰ Иоффе Г.З. Рецензия на: Радзинский Э. Распутин: Жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2000. 575 с. Тир. 150 000 // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 185.

³¹ См. подр.: Евреинов Н.Н. Тайна Распутина. Л., 1924. С. 49–80.

но и дана трактовка (с которой можно соглашаться или нет) его странной судьбы — взлет к самым вершинам власти, во дворцы ее самодержавных обладателей. Н. С. Гумилев в нескольких строках показал, что Гр. Распутин — есть, прежде всего, обыкновенный человек, но — *человек*. Каких много. И тем самым, полагаю, открыл его «тайну». Поэт писал:

В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную былль.

С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег...
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.

Путь этот — светы и мраки,
Посвист, разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси

Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.

Как не погнулись — о, горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей
Выстрелы, крики, набат;
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят.

— «Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?

В диком краю и убогом
Много таких мужиков.
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов»³².

Здесь речь идет о Гр. Распутине, хотя его имя не называется, а не о «распутинщине», которая более всего занимала отечественных историков в советский период и которая целиком заместила конкретную личность сибирского странника еще до революции 1917 г. Гр. Распутин показан поэтом как один из многих «мужиков», как представитель простого народа, волею обстоятельств оказавшийся рядом с венценосцами. Такой подход, как мне представляется, позволяет обратиться к изучению личности сибирского странника не только в контексте его времени (что, без сомнения, важно), но и в контексте «простонародной» среды, из которой он вышел и представителем которой оставался до конца жизни. Не так уж далека была от истины З. Н. Гиппиус, когда полагала, что Гр. Распутин интересен *только как тип*. Не отрицая все приписывавшиеся ему недостатки и пороки (и в этом случае будучи типичным представителем образованного слоя тогдашнего русского общества), она видела причины их в русской острой безмерности и бескрайности: «Все до дна: и гик, и крик, и пляс, и гомерическое бахвальство. В эти минуты расчет и хитрая сметливость отступают от него. Ему действительно “море по колено”»³³.

«Море по колено» было и его безудержным критикам, сумевшим создать свой образ «мужика», в котором правда о Гр. Распутине преломлялась в фокусе политических сказок и откровенных подтасовок. Этот образ в течение многих лет доминировал в книгах о нем, спровоцировав обратную реакцию тех, кто не желал видеть в «Друге Царей» только отрицательного героя прошлого. Однако, даже говоря о негативном восприятии большинством

³² Гумилев Н. Мужик // Гумилев Н. Стихи. Письма о русской поэзии. Поэмы. М., 1990. С. 236–237.

³³ Гиппиус З. Маленький Анин домик // Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 74.

современников Гр. Распутина, нельзя игнорировать принципиальный психологический факт: так на него смотрели далеко не все. По мнению князя Н. Д. Жевахова — товарища последнего обер-прокурора Св. Синода и глубокого почитателя царской семьи, трагедия императора Николая II и императрицы Александры Федоровны заключалась в том, что сибирский странник не был старцем. Но при этом для князя вполне понятно, почему одни считали Гр. Распутина праведником, а другие — одержимым, так как «одни видели его таким, каким он был в царском дворце <...> а другие — таким, каким он был в кабаке, выплясывая “камаринскую”»³⁴.

Но были и «третьи» — среди русского образованного общества их было большинство. Это те, кто верили в «одержимость», в порочность, в злонамеренность сибирского странника, эксплицируя свой негативизм на царскую семью — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Современное почитание Гр. Распутина как «святого» может восприниматься как расплата за такую агрессивную «веру».

В чем же выход, есть ли «срединный путь», позволяющий избежать крайностей в оценке Гр. Распутина?

Ныне говорить об этом сложно, поскольку имя сибирского странника для многих, пишущих о нем, есть повод утверждать собственные идеологические и политические принципы, не столько изучая прошлое, сколько «формируя» его посредством подбора и изложения нужных для «правильной легенды» исторических фактов. Вероятно, попытка разобраться в истории Гр. Распутина, успешно начатая в работах А. В. Терещука, А. В. Варламова и ряда других современных исследователей, должна быть продолжена на пути собирания и внимательного исследования разных характеристик о нем — как позитивных, так и негативных, истинных и ложных. Эти характеристики помогут читателю увидеть, что личность Гр. Распутина, названного А. М. Эткиндом «самым литературным героем русской истории» и давно поглощенная мифом о нем же, не может изучаться отдельно от истории русской жизни рубежа XIX — начала XX века, морально-психологические аспекты которой важны для адекватного понимания «старца» не менее, чем социально-политический анализ российской государственности эпохи последнего царствования. Необходимо разобраться в мотивации тех, кто «создал» «распутинский миф» или же помогал его распространению, не ограничиваясь констатациями об изначальном «злом умысле» и тех, и других. Если историю Гр. Распутина считать чем-то похожим на историю «царя Энея» или «Иванушки-дурачка», то в таком случае необходимо ограничиться изучением причин, заставлявших (и заставляющих) одних распространять ее, других —

³⁴ Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища последнего обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 1. С. 246.

в нее верить, а третьих — опровергать (тем более, что история «распутинского мифа» и состоит в том, что многие характеристики, некогда обращенные против него, ныне могут восприниматься зеркально, — и наоборот).

В конце концов, «тайна» Гр. Распутина есть тайна не столько его самого, сколько его времени, времени переломного, «границ веков», когда менялось ощущение жизни, сменялись исторические парадигмы, возникали новые вызовы и соблазны, преодолеть которые императорская Россия, к сожалению, не смогла. Гр. Распутин, волею сверхличных обстоятельств попавший в эти переломные времена в исторические жернова, и стал знаменем погибшего царства³⁵.

* * *

Представляемая на суд читателей антология «Григорий Распутин: pro et contra» задумывалась достаточно давно — более десяти лет назад. За это время появилось множество новых работ, в которых исследователи и публицисты пытались нарисовать «очищенный» от неправды исторический портрет сибирского странника, вновь и вновь возвращаясь к изучению его жизни. Публиковались и ранее неизвестные широкому кругу читателей документы. Одним из них стал пресловутый «Дневник Распутина», в отрывках представленный всем интересующимся «распутинской темой» еще в 1996 г. в двенадцати номерах петербургской газеты «Час пик». Публикацию подготовили историки И. В. Лукоянов и Д. А. Коцюбинский³⁶. Спустя семь лет, в 2003 г., «Дневник Распутина» увидел свет в книге А. П. и Д. А. Коцюбинских «Григорий Распутин: тайный и явный»³⁷, а в 2008 г. был опубликован отдельно уже полностью³⁸. Публикация этого документа, представленного в качестве «дневника», вызвала резко негативную реакцию в кругах историков и «монархического», и «либерального» направлений. О причинах такой реакции следует сказать особо, предваряя разговор о помещаемых в данной антологии текстах.

То, что само название — «Дневник Распутина» — давалось без кавычек, уже заставляло подозревать публикаторов в стремлении приписать его ав-

³⁵ Именно так называется работа современного церковного историка И. В. Смыслова, выступавшего безусловным и беспощадным противником канонизации «Друга Царей» (Смыслов И. В. Г. Е. Распутин: знамение погибшего царства. М., 2002).

³⁶ См.: Григорий Распутин: О времени и о себе (Дневник Распутина) / Публикацию подготовили И. Лукоянов и Д. Коцюбинский // Час пик. 1996. 1 июня, 15 июня, 6 июля, 13 июля, 25 июля 27 июля, 2 августа, 3 августа, 10 августа, 21 августа, 28 августа.

³⁷ Дневник Распутина / Публикация И. Лукоянова и Д. Коцюбинского // Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Григорий Распутин: тайный и явный. СПб.; М., 2003. С. 339–427.

³⁸ Дневник Распутина. М., 2008.

торство сибирскому страннику. На самом деле все было гораздо сложнее. Поэтому, прежде чем кратко охарактеризовать материалы, включенные в настоящую антологию, полагаю необходимым рассмотреть вопрос о распутинском «дневнике» (дабы более к этому вопросу не возвращаться). Это тем более важно, что даже фальсифицированный документ представляет несомненную историческую ценность, поскольку помогает понять «морфологию распутинской сказки», генезис того мифа, с которым прочно соединилась реальная жизнь Гр. Распутина. Еще в 2003 г., публикуя значительные отрывки из пресловутого «Дневника», И. В. Лукоянов и Д. А. Коцюбинский пытались объяснить, почему на протяжении многих десятилетий этот источник не подвергался ни критике, ни цитированию. Мотивация публикаторов, на мой взгляд, представляет интерес и должна быть внимательно проанализирована.

Итак, они говорят, что материал взят в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 612. О. 1. Д. 36), что это — «записи воспоминаний Григория Распутина». Эти записи представляют собой тетрадь, исписанную аккуратным и четким почерком, в которой содержатся фрагментарные свидетельства Г. Е. Распутина о своей жизни, начиная с детства и почти до самой смерти, а также комментарии к актуальным событиям и рассуждения на общие темы. На титульном листе заголовок: «Дневник Распутина» и разъяснение, из которого следует, что текст является копией оригинала, написанного под диктовку Распутина его секретарем — Акулиной Никитичной Лаптинской («Мушкой»). Говорится также и о том, что текст переписывал некий (или некая) Л. П. Крамер с черновиков какого-то «Гедылина» с сохранением старой орфографии. Короткая пометка сообщает, что в архив этот документ поступил в 1923 г.³⁹ Сообщив об этом, Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов справедливо задались вопросом о подлинности «Дневника», напомнив о скандальной публикации «Дневника Вырубовой».

Действительно, в год 10-летия революции иллюстрированный исторический альманах «Минувшие дни» начал публиковать «Дневник А. А. Вырубовой», продолжив публикацию и в 1928 г.⁴⁰ Хотя публикацию этого «Дневника» удалось довести до конца, в результате разразился скандал — историка П. Е. Щеголева и писателя А. Н. Толстого уличили в подделке текста⁴¹. Фальсификаторы, впрочем, лично никак не пострадали, продолжив свою творческую деятельность. Но прецедент был создан: широкая публика узнала, что на протяжении нескольких месяцев она знакомилась с «художественным»

³⁹ [Предисловие публикаторов] // Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Григорий Распутин: тайный и явный. С. 340.

⁴⁰ Дневник А. А. Вырубовой // Минувшие дни. 1927. № 1. С. 5–76; 1928. № 2. С. 73–108; 1928. № 3. С. 89–120; 1928. № 4. С. 87–124.

⁴¹ См.: Сергеев А. А. Об одной литературной подделке. (Дневник А. А. Вырубовой) // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 166–167 и др.

произведением, выдаваемым за дневник ближайшей подруги императрицы Александры Федоровны. Показательно, что во время публикации «Дневника» рос и тираж альманаха: с 50 тысяч почти до 100 тысяч экземпляров!

На сегодняшний день среди исследователей существует мнение, что и «Дневник Распутина» составили П. Е. Щеголев и А. Н. Толстой. Об этом, например, пишет Э. С. Радзинский — известный российский драматург и историк, среди книг которого, как мы знаем, есть и работа о сибирском страннике. Вспоминая о «Дневнике Вырубовой», Э. С. Радзинский подчеркивает, что огромный успех этого дневника, видимо, подсказал авторам идею новой работы — ««Дневник Распутина» должен был стать продолжением «Дневника Вырубовой». Однако благодаря общительному (и часто пьяному) «красному графу» (т.е. А. Н. Толстому. — С. Ф.) история фальшивки перестала быть тайной, так что об издании «продолжения» нечего было и думать. И, возможно, тогда ценивший литературные мистификации Щеголев и отдал «Дневник Распутина» в архив — пусть полежит до лучших времен... И подделка осталась пылиться в архиве»⁴².

Однако при внимательном чтении этих двух «Дневников» замечаешь, что стилистика их авторов — различается. Одни и те же люди (либо один и тот же человек) не мог (не могли) быть авторами и «Дневника Вырубовой», и «Дневника Распутина». К тому же в бумагах А. Н. Толстого и в материалах П. Е. Щеголева не сохранилось никаких упоминаний (даже косвенных) о том, что они работали над «Дневником Распутина». Даже «красный граф», на общительность которого обращает внимание читателей Э. С. Радзинский, почему-то ничего не сказал о своем участии в подготовке нового «сенсационного источника». Не будем также забывать и того обстоятельства, что «Дневник Распутина» попал в государственный архив в первой половине 1920-х гг., т.е. задолго до того, как была осуществлена работа по подготовке «Дневника Вырубовой» и задолго до подготовки празднования 10-летия революции 1917 г.

Не будем забывать и того обстоятельства, что некоторые факты, изложенные в «Дневнике Распутина», находят косвенное подтверждение в других источниках, появление которых датируется временем, когда названный «Дневник» уже попал к советским архивистам. Для примера можно вспомнить случай, связанный с приемом в 1911 г. императором Николаем II петербургского митрополита Антония (Вадковского; 1846–1912). На аудиенции митрополит говорил о негативном влиянии Гр. Распутина, что вызвало недовольство Николая II. Об этой истории нам известно из воспоминаний председателя IV Государственной Думы М. В. Родзянко, опубликованных

⁴² Радзинский Э. Распутин: жизнь и смерть. М., 2005. URL: <http://e-libra.su/read/139363-rasputin.html>.

впервые в середине 1920-х гг.⁴³ Однако об этой же истории мы можем узнать и из «Дневника Распутина», причем со слов самого «старца» (разумеется, пересказанных составителем названного «Дневника»⁴⁴). Совершенно ясно, что Родзянко не мог читать «Дневника Распутина», но точно так же ясно, что и его составители (Щеголев с Толстым или кто-то другой) не могли ознакомиться с мемуарами сановника раньше их появления в книжных магазинах Европы. Конечно, можно предположить, что у составителей «Дневника» были какие-то (в дальнейшем потерянные) «распутинские» материалы. Можно предположить также и то, что в данном случае имело место случайное совпадение. Конечно, бывает всякое, но версия — всегда всего лишь версия. Она не есть однозначный ответ на поставленный вопрос.

Впрочем, возвращаясь к критике «Дневника Распутина», следует признать, что его публикаторы — Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов с самого начала подчеркивали, что причина игнорирования этого документа большинством историков связано и с тем, что в нем слишком много фактов часто скандальных, не имеющих подтверждения в других источниках. Это — важное признание, которое, однако, специально не анализируется. Публикаторы поступают просто: указав на причину игнорирования, они вспоминают единственное (на 2003 г.) исключение — книгу православного исследователя О. А. Платонова, в которой «Дневник» «безапелляционно» называется фальшивкой. По мнению публикаторов, главным аргументом, согласно О. А. Платонову, служит то, что «Дневник» наполнен неприличными подробностями. Те, кто его составил, указывает О. А. Платонов, были законченными мерзавцами⁴⁵. Далее публикаторы разбирают мотивы этого критика, обращая внимание на неправильное использование слова «Солнышко»: в «Дневнике» его применяют по отношению к наследнику — цесаревичу Алексею Николаевичу, которого в царской семье называли «солнечный луч» («Солнышком» называли в семье императрицу Александру Федоровну).

Как бы то ни было, для публикаторов приводимые О. А. Платоновым аргументы «не выдерживают критики», что, впрочем, по их мнению, «еще не означает, что этот документ является подлинным»⁴⁶.

Разбирая затем вопрос о составителе «Дневника», Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов рассуждают об А. Н. Лаптинской, ближайшей сподвижнице «старца», умной женщине, умевшей хранить секреты. «Представить, что она “собирала компромат” на “старца”, — пишут они, — тайком и потенциально во вред ему, — абсолютно невозможно. Скорее всего, мы имеем дело

⁴³ Родзянко М. В. Крушение Империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVII. С. 35–36.

⁴⁴ Дневникъ Распутина. С. 393 (ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 36. Л. 12).

⁴⁵ Платонов О. А. Жизнь за Царя. (Правда о Григории Распутине). СПб., 1996. С. 220.

⁴⁶ [Предисловие публикаторов]... С. 342.

с черновой заготовкой фактологического “сырья” для грядущего “жития”». А в том, что Распутин — святой, его поклонницы не сомневались⁴⁷. В соответствии с высказанной гипотезой и строится последующее рассуждение публикаторов: А. Н. Лаптинская была добросовестной стенографисткой, фиксировавшей все, что говорил ей Гр. Распутин, не добавляя что-либо от себя. При этом сохранившийся текст «Дневника», по их мнению, это материал переписанный, а возможно, и подвергнутый частичной редактуре. То, что редактуре не была доведена до конца и текст носит неоконченный и поверхностный характер, объясняется революционным лихолетьем. На вопрос, кто осуществлял первичную редактуру записанных Лаптинской монологов Распутина, публикаторы ответа не дают (но предположения высказывают).

Строя свои рассуждения, Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов указывают также на то, что еще одна копия «Дневника» — машинописная — сохранилась среди бумаг А. А. Вырубовой (ГАРФ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 23). Логика публикаторов в данном случае весьма простая: А. А. Вырубова и А. Н. Лаптинская были хорошо знакомы, поэтому можно предположить, что записки, которые составляла А. Н. Лаптинская, были взяты после смерти «старца» А. А. Вырубовой. В условиях революции было не до записок, и, как предполагают составители, А. А. Вырубова могла передать их на хранение какому-нибудь преданному ей человеку. Впрочем, в конце концов хранившаяся у нее копия «Дневника» была изъята ЧК и в дальнейшем попала в ГАРФ⁴⁸.

Можно ли принять подобную версию публикаторов?

Только как версию, и причем весьма сомнительную.

Во-первых, если А. А. Вырубова передала кому-то «Дневник Распутина», то что у нее изъяли чекисты? Ведь в таком случае получается, что копий было как минимум три и что стало с третьей — неизвестно.

Во-вторых, если А. А. Вырубова, опасаясь за сохранность «Дневника» и постоянно пребывая в страхе за свою судьбу, передала копию доверенному лицу, то почему она не уничтожила оставшийся у нее экземпляр — ведь в глазах большевиков это был «компромат»?

Упоминание А. А. Вырубовой как хранительницы «Дневника Распутина» скорее запутывает, чем помогает решать проблему его аутентичности: ведь, как справедливо утверждают публикаторы, почитательница «старца» не могла хранить материалы, имеющие вид «грязного пасквиля». А ведь «Дневник Распутина» во многом напоминает собрание разных сведений, в том числе и весьма сомнительных в качестве материалов, которые-де собирали почитатели «старца» для будущей его канонизации. Сомнительными (а не «сенсационными», как пишут публикаторы) выглядят и сведения «Дневника»

⁴⁷ Там же. С. 345.

⁴⁸ Там же. С. 346–347.

о получении Гр. Распутиным во время Первой мировой войны денег от врагов России — немцев, равно как и упоминания о попытках императрицы Александры Федоровны втайне от императора Николая II подготовить заключение сепаратного мира с Германией.

Как видим, вопросов к «Дневнику Распутина» оказывается гораздо больше, чем ответов на них. С одной стороны, потенциальный фальсификатор не мог иметь под рукой в 1920-е гг. многих материалов, которые подтверждаются записями в «Дневнике», но, с другой — многие записи этого же «Дневника» ничем не подтверждаются и/или даже носят фантастический характер. Думается, все это заставило Д. А. Коцюбинского и И. В. Лукоянова, спустя пять лет, несколько скорректировать свои суждения о подлинности «Дневника» и по иному, чем в приложении к книге «Григорий Распутин: тайный и явный», расставить акценты.

На что обращали внимание читателей Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов в публикации «Дневника Распутина» 2008 г.?

Прежде всего отметим, что в этой публикации не упоминается год поступления «Дневника» в архив — говорится лишь о том, что он передан 14 марта некоему «товарищу Максакову»⁴⁹. Однако, судя по дальнейшему изложению, публикаторы не сомневаются в том, что «Дневник» в той редакции, которая попала в архив, был составлен в начале 1920-х гг. (или к началу 1920-х гг.). Ничего не пишут они и о копии, изъятой у А. А. Вырубовой. Собственно, и сам текст издаваемого «Дневника» они корректно называют копией, указывая, что «за такими “копиями” зачастую скрываются фальшивки»⁵⁰.

Таким образом, следует признать: Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов изначально ничего не утверждают, заявляя о необходимости настороженного отношения к «Дневнику». Повторяя ранее сказанное, они упоминают и фальшивый «Дневник Вырубовой», полагая, что данное обстоятельство следует учитывать при разговоре о публикуемом ими материале, «поскольку оба текста в ряде существенных моментов весьма перекликаются друг с другом». Оба «Дневника» имеют сходным образом оформленные титульные листы; состоят из отдельных и законченных сюжетов, не всегда связанных друг с другом; дублируют прозвища некоторых исторических персонажей; упоминают одни и те же факты, отсутствующие в других источниках. Наконец, в обоих текстах идейная матрица схожа⁵¹.

Но при этом Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов отмечают и существенные отличия: в «Дневнике Вырубовой» фактологической основой в значительной степени являются материалы, содержавшиеся в стенографических

⁴⁹ Коцюбинский Д. А., Лукоянов И. В. Предисловие // Дневникъ Распутина. М., 2008. С. 6.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 7–8.

отчетах допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства бывшими министрами и сановниками царского времени, а также в переписке последнего царя с супругой⁵². В «Дневнике Распутина», наоборот, значительно больше историй, не имеющих подтверждения в документальных публикациях. Кроме того, с точки зрения стиля «Дневник Распутина» более соответствует речевой стилистике «старца» и ни в чем не противоречит его психологическому облику. «Однако даже если исходить из того, что данный документ — ”апокриф”, — утверждают публикаторы, — это ни в коей мере не означает, что содержащаяся в нем информация не имеет под собой достоверной исторической канвы»⁵³.

Получается, что, не утверждая достоверность «Дневника» — как дневника Гр. Распутина, они не желают признавать изначальную ложность помещенной там информации. С этим утверждением трудно не согласиться, хотя и с одной существенной оговоркой: ведь и «Дневник Вырубовой» — доказанный фальсификат, имеет под собой историческую канву (правда, используемую крайне вульгарным, даже хамским образом). «Форма», как известно, достаточно тесно связана с «содержанием»: фальсификаторы не могли бы кардинально изменить приемы своей работы, использованные при подготовке первой литературной подделки, если захотели бы повторить свой сомнительный «успех» при подготовке второй. К сожалению, Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов не стали проводить детальную текстологическую экспертизу, сравнивая «Дневник Вырубовой» и «Дневник Распутина», ограничившись предположением о том, что многие сюжеты «Дневника Распутина» имели документальные подтверждения, впоследствии утраченные либо еще не обнаруженные исследователями⁵⁴.

Если согласиться с этим предположением, то следует признать возможным существование неизвестного нам первоисточника («прототекста»), с которым работали составители «Дневника Распутина». Но важно не только это. По мнению публикаторов, «Дневник Распутина» представляет собой «историко-психологическое целое», а не мозаику из небылиц, использованных в пропагандистских или коммерческих целях. Но ведь «Дневник Вырубовой» был создан именно в пропагандистских целях! Следовательно, мотивация, заставившая П. Е. Щеголева и А. Н. Толстого написать его, не применима к «Дневнику Распутина». Значит, указанные авторы не должны рассматриваться как его создатели.

Кто же тогда?

⁵² См.: Падение царского режима. М.; Л., 1924–1927. Т. 1–7; Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1923–1927. Т. 3–5.

⁵³ Коцюбинский Д. А., Лукоянов И. В. Предисловие. С. 10.

⁵⁴ Там же. С. 11.

Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов вновь вспоминают А. Н. Лаптинскую, вполне обоснованно указывая, что упоминание ее как «стенографистки», записывавшей речения Гр. Распутина, потенциальным фальсификаторам было невыгодно: в ближайшем окружении «старца» было много образованных женщин, в том числе и М. Е. Головина («Муня»), готовившая к публикации изречения Распутина еще при его жизни. Поставив вопрос о том, почему именно А. Н. Лаптинская фигурирует в качестве особы, записывавшей слова «старца», публикаторы «Дневника Распутина» ответа на него не дают, задаваясь другим: зачем Гр. Распутину было нужно рассказывать о себе, о своих близких, о своих отношениях с царской семьей кому бы то ни было?

Ответ на этот вопрос Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов связывают с оценкой психологического состояния «старца». Этой оценке посвящено немало страниц их «Предисловия». Итог однозначен — публикаторы констатируют психологическую потребность Гр. Распутина «в надиктовке внутренне раскрепощенных откровений “житийного толка” близкому человеку», якобы вытекавшую из тех обстоятельств и того душевного состояния, в которых оказался сибирский странник в последние два года жизни⁵⁵.

Попытавшись доказать, что потребность «надиктовывать» воспоминания у Гр. Распутина была, публикаторы тем не менее парадоксальным образом констатировали, что ответа на вопрос о существовании подобных записей и их возможного отношения к «Дневнику Распутина» пока не имеется. В таком случае вполне закономерно другое вопрошание: какой смысл говорить о теоретической возможности подобной «надиктовки», если «Дневник Распутина» с ней может связываться только гипотетически?

Очевидно, понимая некоторую ущербность своих заключений, публикаторы в конце заявляют, что спор о том, является ли «Дневник Распутина» подлинным документом или подделкой, на сегодняшний день не завершен. «Однако, — продолжают они, — чем бы ни завершился этот диспут, ясно одно: “Дневник Распутина” в любом случае вызывает бесспорный интерес — в первую очередь благодаря обилию фактов и сюжетов, не имеющих аналогов в известных на сегодня литературных документах». Даже если признать «Дневник Распутина» произведением литературных мистификаторов, то и в этом случае следует дать высокую оценку степени их погруженности в тему и отдать должное их таланту⁵⁶. Резюмируя, Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов, утверждают, что этот «Дневник» можно рассматривать «не просто как возможный опыт исторической мистификации, но как своеобразный исторический источник, требующий тщательной проверки»⁵⁷.

⁵⁵ Там же. С. 32.

⁵⁶ Там же. С. 33.

⁵⁷ Там же. С. 34.

Указание на необходимость «тщательной проверки» этого «своеобразного исторического источника» следует особо подчеркнуть: получается, что публикаторы «Дневника Распутина» вовсе не утверждают факт его подлинности (т.е. его составление А. Н. Лаптинской или кем-либо другим). Они обращают внимание на то, что это — интересный источник, даже если признать безусловно доказанным то, что его составили уже после смерти Гр. Распутина неизвестные литературные мистификаторы. С последним трудно спорить: действительно, «Дневник» представляет определенный интерес — и для социальных психологов, и для профессиональных текстологов, и для историков, изучающих формирование и распространение мифов. Подводя общие итоги, я еще вернусь к этому обстоятельству, сейчас же хочу заметить иное: сам факт публикации «Дневника Распутина» вызвал появление резких по форме критических публикаций, в которых Д. А. Коцюбинского и И. В. Лукоянова называли современными «Щеголевыми», т.е. обвиняли в сознательной фальсификации. Наиболее четко это обвинение прозвучало в статье православного историка и публициста С. В. Фомина. Статья, называвшаяся «Дневников Распутина не существует», была опубликована на сайте «Русский монархист», не в последнюю очередь созданного для пропаганды «святости» Гр. Распутина⁵⁸.

Статью С. В. Фомин начинает с цитаты А. Н. Боханова, резко и однозначно заявляющего: «никакого дневника Распутина не существует», а существует «только фальшивка, которая хранится в Государственном архиве Российской Федерации». Далее С. В. Фомин цитирует аннотацию книги «Дневникъ Распутина», составленную Д. А. Коцюбинским и И. В. Лукояновым, а также анонс этой книги, опубликованный в 2008 г. на сайте петербургского «Дома книги», где в свое время состоялась официальная презентация «Дневника». Собственно говоря, статья С. В. Фомина — скорее собрание цитат, которые должны показать, что издание — факт вопиющий, свидетельствующий об изначальном замысле Д. А. Коцюбинского и И. В. Лукоянова ввести в исторический оборот, легализовав, то, что никакого отношения к Гр. Распутину не имело и иметь не могло. «О времена, о нравы! — восклицает С. В. Фомин. — И ведь не стыдятся люди, облеченные научными степенями, ради сомнительной славы и денег опубликовать фальшивку»⁵⁹. Он не анализирует аргументы критикуемых им публикаторов, которые вовсе не убеждены в подлинности «Дневника». Да, на многие вопросы они не дают ответа, но цели «очернить» сибирского странника, равно как и получить лавры современных «Щеголевых и Толстых» у них очевидно не было. Однако для почитателей «старца» уже

⁵⁸ Фомин С. Дневников Распутина не существует // Русский монархист. URL: <http://www.ruskmir.ru/2015/09/dnevnikov-rasputina-ne-sushhestvuet/>.

⁵⁹ Там же.

то, что «Дневник Распутина» увидел свет — событие исключительное, которое они оценивают резко негативно.

Иначе писал о публикации Д. А. Коцюбинского и И. В. Лукоянова московский историк Ф. А. Гайда. В академическом журнале «Российская история», в 2012 г., была опубликована его статья, посвященная «Дневнику». Историк справедливо замечает, что в аннотации к изданию 2008 г., как и ранее в аннотации к книге 2003 г., «упорно указывалось, что “дневник” принадлежит именно Распутину». Почему публикаторы в 2008 г. решили оставить это сомнительное утверждение, судить трудно (особенно учитывая, что в предисловии они так однозначно не говорили). Но дело было не только в этом. Важнее иные обстоятельства, на которые обратил внимание Ф. А. Гайда. Прежде всего, в книге 2003 г., в приложении к которой «Дневник Распутина» (в несколько сокращенном виде) был опубликован, обстоятельного источниковедческого анализа документа не проводилось — излагалась лишь краткая версия его происхождения. Нет также никаких оснований утверждать, будто фрейлина императрицы А. А. Вырубова что-либо знала о «Дневнике Распутина». Хотя его машинописная копия хранится ныне в ее личном фонде в ГАРФ, но неизвестно, как и когда он туда попал.

Рассуждая далее, Ф. А. Гайда указал и на то, что все, касающееся «происхождения рукописной копии, вовсе относится к области догадок и домыслов». Историк, сравнив публикации 2003 и 2008 гг., отметил также, что «структура “дневника” в этих публикациях совершенно разная. Если первый (сокращенный) вариант построен по хронологии и представляет собой целостное повествование с изредка обозначенными в тексте купюрами (которые, кстати, практически никак не соответствуют полной версии), то “дневник”, изданный в 2008 г., — это разнородные фрагменты, расположенные в совершенно ином порядке и без соблюдения хронологической последовательности». Не забывает он отметить и то, что «Дневник» изобилует скандальными «фактами» и «сведениями», которые не подтверждаются никакими иными источниками. Для него ясно, что считаться подлинным дневником Распутина опубликованный Д. А. Коцюбинским и И. В. Лукояновым материал не может, что такого дневника нет⁶⁰.

Однако, справедливости ради, следует вновь напомнить, что в предисловии 2008 г. Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов не характеризовали «Дневник Распутина» однозначно как *дневник Распутина*. Публикаторы оставили вопрос о его подлинности открытым. Но проблема, как мне представляется, в том и состоит, что для большинства их коллег *это не вопрос*: они воспринимают «Дневник Распутина» как фальшивку. Скорее всего, эти исследователи правы.

⁶⁰ См. подр.: Гайда Ф. А. О «дневнике Распутина» // Российская история. 2012. № 5. С. 203–205.

Следует ли из заявленного, что «Дневник» не стоило публиковать, что о нем надо было «забыть», а не включать в качестве источника в исторический оборот?

Такая постановка вопроса кажется мне неверной. Безусловно, «Дневник Распутина» — *это интереснейший и важный источник по истории восприятия Григория Распутина современниками*. Даже если встать на ту точку зрения, что он был создан в первой половине 1920-х гг. с целью компрометации «Друга Царей» (как с такой же целью был создан и «Дневник Вырубовой»), то и в этом случае мы должны признать: текстологический анализ «Дневника Распутина», равно как и анализ фактологический, позволяют нам лучше разобраться в социально-психологических аспектах русской революционной драмы, посмотреть на нее через призму «кривого зеркала» — тенденциозно собранного материала.

Этот материал, безусловно, имеет историческое значение, помогая не реконструировать реальную жизнь сибирского странника, а изучать формирование мифа о нем. Становление и утверждение мифа (в нашем случае — *распутинского мифа*) — задача, безусловно, историческая. Ее решение требует понимания мотивации и друзей Гр. Распутина, и его врагов.

Но были ли составители «Дневника» его врагами?

Ответить четко и однозначно не получается. Мы даже не можем точно утверждать, был ли один «автор» или было несколько «авторов». Текст «Дневника» следует признать странным — и по содержанию, и по целям. Для чего его составляли? Для будущей «канонизации» сибирского странника?

Вряд ли. На его страницах так много скабрёзных историй, связанных с Гр. Распутиным, что нельзя не усомниться в подобной мотивации.

Тогда, может быть, для дискредитации (ибо, дискредитируя «Друга Царей», неизбежно дискредитировали и царскую семью)?

Допустим, но тогда встает новый вопрос: почему «Дневник» не опубликовали в 1920-е гг.? Только ли потому, что ранее оказался разоблаченным «Дневник Вырубовой»?

Не очевидно, поскольку этот «Дневник» увидел свет в конце 1927 — начале 1928 г., а интересующий нас «Дневник Распутина», судя по тексту (в котором нашли отражение языковые нормы 1920-х гг.), составлялся в первой половине 1920-х гг. и в конце 1920-х уже находился в архиве. «Дневник Распутина» невозможно однозначно назвать ни обличением, ни апологией «старца». Поэтому понять мотивацию его составителей непросто. Понятно, правда, что ни П. Е. Щеголев, ни А. Н. Толстой не были его составителями, несмотря на совпадения некоторых сюжетов и имен, «дневники» А. А. Вырубовой и Г. Е. Распутина были составлены иными людьми. Кто они — загадка. Ясно только, что прямого отношения к жизни реального человека — Григория Ефимовича Распутина — «дневник», названный по его имени, не имеет.

Однако история — это не только описание «реалий», это не в меньшей степени их восприятие. Понять восприятие известного исторического лица в определенный исторический момент — значит постараться понять время, в которое он жил. «Дневник Распутина» позволяет нам узнать не столько жизнь «старца», сколько его время, представления о нем современников — почитателей и хулителей. И, главное, «Дневник Распутина» дает нам ключ к пониманию того, что выше я назвал «распутинским мифом», мифом, который начал формироваться еще при жизни «старца» и распространялся в течение многих лет после его смерти. Именно поэтому, повторю, «Дневник Распутина» следует признать ценным источником.

* * *

Как уже неоднократно говорилось, описанием и изучением жизни и характера Гр. Распутина, его влияния на политическую жизнь России и на судьбу Царской Семьи в наше время занимаются много и активно. «Старец» не перестает интересовать и отечественных, и западных исследователей. Работ, ему посвященных, множество, мемуарные свидетельства и документы, связанные с его судьбой, за последние три десятилетия многократно переиздавались. Достаточно вспомнить четырехтомник «Григорий Распутин. Сборник исторических материалов», вышедший в издательстве «Терра» в 1997 г. В первый том вошли воспоминания государственных и общественных деятелей: великого князя Александра Михайловича, князя Н. Д. Жевахова, графа В. Н. Коковцова, М. В. Родзянко и других. Во второй том — писателей, военных, иностранных дипломатов, «личного секретаря» Гр. Распутина Арона Симановича, поклонниц «старца» и некоторых других лиц. В третьем томе публикаторы поместили «психологическое» исследование публициста Н. Н. Евреинова, воспоминания А. А. Вырубовой и (следом) — фальшивку «Дневник Анны Вырубовой», сочиненную П. Е. Щеголевым и А. Н. Толстым. Завершался сборник четвертым томом, включавшим как воспоминания непосредственных участников убийства Гр. Распутина, так и воспоминания некоторых современников, писавших о сибирском страннике, в том числе З. Н. Гиппиус и А. А. Блока.

К тому времени те, кто интересовался «распутинской темой», с большинством этих текстов, равно как и с некоторыми другими материалами, имели возможность познакомиться. К примеру, уже в 1990 г. вышел объемный сборник «Григорий Распутин в воспоминаниях участников и очевидцев: Из материалов Чрезвычайной комиссии Временного правительства», в котором были записки бывшего иеромонаха Илиодора (Труфанова), почитательниц «старца» Е. Ф. Джанумовой, А. А. Вырубовой и О. В. Лохтиной, а также крупного полицейского чиновника С. П. Белецкого, правого депутата

Государственной Думы В. М. Пуришкевича и последнего царского министра внутренних дел А. Д. Протопопова⁶¹.

В 1990 годы 100-тысячным тиражом вышла и другая книга с нарочито вызывающим названием: «Житие блудного старца Гришки Распутина», большая часть которой была отдана запискам Илиодора (Труфанова) и «исследованию» И. Ковыль-Бобыля, выполненному на основании печатавшихся в 1910-х гг. статей русской периодической печати и впервые опубликованному в 1917 г. под названием «Вся правда о Распутине». Три заключительных публикации представляли собой очерк П. Ковалевского «Гришка Распутин» (тоже опубликованного впервые в 1917 г.), «Дневник Владимира Пуришкевича» и воспоминания князя Ф. Ф. Юсупова «Конец Распутина»⁶².

Кстати сказать, 1990 г. стал годом, по большому счету открывшим советскому читателю Гр. Распутина. Именно тогда и в сборниках, и отдельными книгами выходили исторические свидетельства причастных к убийству Гр. Распутина лиц, отрывки из воспоминаний о «старце» А. А. Вырубовой, репринтные издания многократно упоминавшегося Илиодора и т. д. Следует отметить, что «открывали» Гр. Распутина преимущественно таким образом, чтобы вновь показать его «роковую роль», подчеркнуть его «разврат» и «пьянство». Он представал в образе «святого чёрта», сгубившего и себя, и династию (неслучайно даже отрывок воспоминаний А. А. Вырубовой был «прокомментирован» статьей советского историка А. Я. Авреха «Распутин и распутинщина»⁶³).

В 1990 г. тиражом в 100 тысяч экземпляров была выпущена и упоминавшаяся выше брошюра Н. Н. Евреинова «Тайна Распутина», что случайным также считать было бы неправильно. Неслучайным было и переиздание в 1990 г. 30-тысячным тиражом скандальных мемуаров «секретаря» Гр. Распутина А. С. Симановича — «Распутин и евреи», доверять которым, по словам отечественного историка Г. З. Иоффе, может «только “самый глупый дурак”»⁶⁴.

Тогда же вышел в свет и сборник «Григорий Распутин в воспоминаниях современников», среди составителей которого был тюменский историк и краевед А. В. Чернышов⁶⁵. Он попытался преодолеть «разоблачительные» тенденции, безоговорочно господствовавшие в отечественной историографии

⁶¹ Григорий Распутин в воспоминаниях участников и очевидцев: Из материалов Чрезвычайной комиссии Временного правительства. М., 1990.

⁶² Житие блудного старца Гришки Распутина. М., 1990.

⁶³ См.: Аврех А. Я. Распутин и распутинщина // Танеева-Вырубова А. А. Распутин. М., 1990. С. 21–31.

⁶⁴ Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Ашхабад, 1990. В 1991 г. его воспоминания, уже 100-тысячным тиражом, были выпущены московским издательством «Советский писатель».

⁶⁵ Григорий Распутин в воспоминаниях современников. Сб. / Сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. А. В. Чернышова, Н. С. Половинкина. М.; Тюмень, 1990.

многие десятилетия, и показать всю сложность и неоднозначность фигуры «старца». Восемь лет спустя, продолжая заниматься изучением его жизни, А. В. Чернышов выпустил новый сборник: «Григорий Распутин: человек-легенда. Реальность и вымысел»⁶⁶. В этом сборнике были опубликованы как статьи, появившиеся в повременной печати 1910-х гг., так и работы современных публицистов и историков, занимавшихся «распутинской» темой. В определенной степени этот сборник можно назвать чрезвычайно информативным источником, содержащим публикации предреволюционного времени, ранее труднодоступные широкому читателю.

Интерес к «старцу» в 1990-е гг. не ослабевал: материалы о нем появлялись в печати регулярно⁶⁷. Публиковались и переводные работы западных исследователей: в 1994 г., например, в С.-Петербурге была опубликована книга Р. Фюлöp-Миллера «Святой дьявол. Распутин и женщины», впервые изданная в Германии в 1927 г.⁶⁸ Книга Р. Фюлöp-Миллера представляла собой нечто среднее между романом и публицистикой, само название которой свидетельствовало об изначальной оценке, даваемой автором своему герою. Для автора с самого начала все было очевидно, устоявшиеся в дореволюционное время в русском образованном обществе представления о Гр. Распутине он не пересматривал. В какой-то степени эту книгу можно считать своеобразной иллюстрацией к художественному фильму Э. Климова (разумеется, с некоторыми идеологическими поправками).

В то же самое время на прилавках отечественных магазинов, включая церковные, можно было увидеть и книги апологетического характера, составленные иностранцами. Так, в 1997 г. Российское отделение Валаамского общества Америки издало книгу Ричарда (Фомы) Бэттса «Пшеница и плевелы», в которой автор попытался дать «беспристрастную» характеристику Гр. Распутина, безусловно ему симпатизируя и выступая своеобразным историческим «адвокатом» последнего⁶⁹. В подобной роли, вольно или невольно, выступали тогда и отечественные публицисты, в частности И. В. Евсин — составитель брошюры «Оклеветанный старец»⁷⁰ и Ф. Н. Козырев — автор книги «Распутин, которого мы потеряли»⁷¹.

⁶⁶ Религия и Церковь в Сибири: сборник научных статей и документальных материалов. Тюмень, 1998. Вып. 11: Григорий Распутин: человек-легенда. Реальность и вымысел. Сборник материалов / Сост., коммент. и примеч. А. В. Чернышов.

⁶⁷ См., напр.: Я встречалась с Григорием Распутиным. М., 1993 (репринтное издание 1917 г.).

⁶⁸ Фюлöp-Миллер Р. Святой дьявол. СПб., 1994.

⁶⁹ Бэттс Р. Пшеница и плевелы. Беспристрастно о Г. Е. Распутине. М., 1997.

⁷⁰ Оклеветанный старец. (Исторические свидетельства о Г. Е. Распутине). Автор-составитель И. В. Евсин. Рязань, 2001.

⁷¹ Козырев Ф. Н. Распутин, которого мы потеряли. СПб., 2011.

Впрочем, среди писавших о Гр. Распутине православных исследователей были и те, кто пытался противостоять подобным тенденциям, вступая в острую полемику с теми, кто не желал видеть в «старце» отрицательного героя русской драмы. Одним из таких исследователей был нижегородский историк И. В. Смыслов, для которого монархическая идея вовсе не была пустым звуком. В книге «Г. Е. Распутин: Знамение погибшего царства», представляющей собой часть фундаментальной его работы «Царский путь. Размышления о канонизации Царской семьи», И. В. Смыслов выступает против признания Гр. Распутина старцем и тем более святым. Заканчивая работу, автор восклицает, что «нам остается лишь молиться и надеяться, что наша Русская Православная Церковь не пойдет вслед за теми, кто, подобно “богородичникам”, давно подвизается на поприще культивирования “праведников нового типа”, которые, являясь знамением своего времени, несомненно, будут ревностными служителями “отца своего” — отца лжи, дьявола (Ин. 8, 44)»⁷². Обращая внимание на название работы и ее концовку, трудно не понять, *как* оценивает православный автор сибирского странника, служителем *кого* его считает.

Впрочем, вновь возвращаясь к публикациям, связанным с Гр. Распутиным, нельзя не отметить, что постсоветский период стал временем не только републикаций прежних материалов, но и обнародования новых, ранее неизвестных исследователям документов и воспоминаний. Среди последних были чрезвычайно информативные мемуары племянницы знаменитого ученого Н. Е. Жуковского — В. А. Жуковской, которые появились на страницах «Российского архива» в 1992 г.⁷³

Молодой литератор В. А. Жуковская познакомилась с известным знатоком сектантства А. С. Пругавиным и рассказала о своем интересе к нетрадиционным формам религиозного сознания (вызванном якобы замыслом нового романа). Найдя в А. С. Пругавине заинтересованное лицо и благожелательно принятая в доме Гр. Распутина, В. А. Жуковская стала для ученого источником информации о жизни «старца». В результате сам А. С. Пругавин написал документальную повесть, посвященную «старцу» и его окружению. В 1915 г. текст был опубликован в журнале «Русская иллюстрация» под названием «Около старца», где В. А. Жуковская была представлена под именем Ксении Владимировны Гончаровой. Отдельное издание было осуществлено в 1916 г. и называлось «Леонтий Егорович и его поклонницы». На тираж был наложен арест, но вскоре после Февральской

⁷² Смыслов И. В. Г. Е. Распутин: знамение погибшего царства. М., 2002. С. 97.

⁷³ Жуковская В. А. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине, 1914–1916 гг. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Т. Латыповой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1992. Т. II–III. С. 252–317.

революции автору удалось издать эту брошюру вновь — под названием «“Старец” Григорий Распутин и его поклонницы». Показательно, что эта работа знаменитого историка-религиоведа также была переиздана в 1990-е гг. (хотя и ограниченным тиражом)⁷⁴.

В 2000 г. издательство «Захаров» опубликовало воспоминания дочери сибирского странника — Матрёны Григорьевны. В предисловии («От издателя») И. В. Захаров рассказал о том, как он приобрел рукопись, кому она принадлежала до того, как попала к нему, указав, что именно он разбил текст на главы и подглавки, дал им названия. Воспоминания дочери не стали, однако, сенсацией — и для скептиков, не желающих менять традиционно отрицательное отношение к Гр. Распутину, и для его апологетов и «реабилитаторов». Книга изобилует сплетнями, очень часто двусмысленными; о большинстве тех, с кем общался ее отец, М. Г. Распутина пишет по преимуществу негативно. При этом она пытается представить читателям своего отца если не как «святого», то уж, без сомнения, как «праведного». Можно сказать, что воспоминания М. Г. Распутиной являются скорее собранием доказательств «от противного»: о Гр. Распутине говорили плохо те, кто сам был плох.

В связи с этим представляет социально-психологический интерес утверждение безусловной почитательницы «святого великомученика Григория» — Т. И. Гроян, в «кратком послесловии» к книге о Гр. Распутине заявлявшей, что цитирование ею выдержек из воспоминаний дочери «старца» «не является безоговорочным доверием ко всей книге в целом; определенные ее части, на наш взгляд, — продолжала она, — целиком ложны, в особенности главы, относящиеся к Царской Семье. Обращаясь к данной книге, мы предполагаем, что авторы использовали фрагменты *истинных* воспоминаний Матрены Григорьевны (1898–1977), нанизав на них измышления; но верующее сердце способно отличить правду от лжи. Кроме того, мы руководствуемся желанием очистить имя любимой дочери Старца от очередной попытки вовлечь его в клевету на Святую Царскую Семью и Мученика Григория»⁷⁵. Как видим, помочь отличить правду от вымыслов и очистить имя Матрены Григорьевны от попытки вовлечь его в клевету на Царскую Семью может лишь верующее сердце! Добавить к этому ничего нельзя, да лучше и не скажешь!

В отличие от Т. И. Гроян, С. В. Фомин, также глубоко почитающий «старца», полагает, что книга, изданная в 2000 г. издательством «Захаров», — фальшивка⁷⁶. В 2012 г., продолжая публикацию материалов о Гр. Распутине,

⁷⁴ Пругавин А. С. Старец Григорий Распутин и его поклонницы. Самара, 1993.

⁷⁵ Гроян Т. Мученик за Христа и за Царя... С. 639.

⁷⁶ Подлинный Распутин // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. Православие. Самодержавие. Народность. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/09/08/podlinnyj_rasputin.

он составил и выпустил в свет сборник «Дорогой наш отец», в котором поместил и переводные воспоминания М. Г. Распутиной, впервые опубликованные на французском языке в 1925 г.

Впрочем, в данном случае важнее отметить даже не то, что С. В. Фомин отказывался признать истинность «захаровских» воспоминаний М. Г. Распутиной, а то, что и в XXI веке вопрос о том, какие материалы о «старце» считать истинными, а какие — подложными продолжал оставаться актуальным для ревнителей его памяти. Удивления это не вызывает (было бы странно, если бы было по-другому), но лишний раз свидетельствует: почитатели «старца» через призму его личности смотрят на последние предреволюционные годы русской истории, оценивая деятелей последнего царствования с точки зрения их отношения к Гр. Распутину и Гр. Распутина к ним.

Не касаясь этого с этической точки зрения, хотелось бы заметить, что подобный взгляд неизбежно приводит к мифологизации «старца», признавая правду лишь за той стороной, которая его поддерживала (или, по крайней мере, не боролась против него). Убежденного трудно переубедить: он «знает» историческую «истину», в его цели не входит ее «познание». Доказательства собираются только для того, чтобы тезис, давно усвоенный самим, внушить другим, еще не «просвещенным». Поэтому, полагаю, позицию современных «реабилитаторов» сибирского странника можно (понятно, с заметной долей условности) сравнить с деятельностью идеологических миссионеров, проповедующих тех, кто пребывает «во тьме неведения».

Совершенно иначе пытались показать Гр. Распутина и рассказать о нем такие исследователи, как петербургский историк А. В. Терещук и московский литературовед А. Н. Варламов. Книга первого вышла в издательстве «Вита Нова» в 2006 г., книга второго — в «Молодой гвардии» (серия ЖЗЛ) год спустя. А. В. Терещук стремился представить биографию «старца» не как биохронику, справедливо отмечая, что многие страницы жизни Гр. Распутина восстановить невозможно, а как историю жизни человека в контексте его времени, когда «Россия была поражена болезнью разрушения» и когда в российском обществе были широко распространены апокалиптические настроения. Для историка сибирский странник, безусловно, не святой, но вовсе не безусловно был ли он «злодеем»⁷⁷. С этой целью он рассматривает не только основные вехи жизни Гр. Распутина, но и всё, что так или иначе было связано с его восприятием мира и веры, а также окружавших его «друзей» и «врагов». Для А. В. Терещука несомненно, что посмертная судьба «старца» оказалась намного протяженнее его земного пути. И хотя о «посмертной судьбе» в книге специально не говорится, предпринятая попытка реконструкции его жизни позволяет понять причины

⁷⁷ Терещук А. Григорий Распутин: последний «старец» Империи. СПб., 2006. С. 11.

парадоксального восприятия сибирского странника — и современниками, и потомками.

Со своей стороны, А. Н. Варламов в огромной своей работе, скрупулезно собрав колоссальный фактологический материал, показывает, как формировалась и распространялась «распутинская легенда», пытаясь дать объяснение того, почему она затронула не только «легкомысленную толпу» и «светскую чернь», но и представителей Православной Российской Церкви. Историческую реальность А. Н. Варламов ни хулит, ни приукрашивает, справедливо полагая, что Гр. Распутин — одна из самых трагических фигур русской истории. «Он не был святым, как и не был и чёртом, но его судьба сложилась таким образом, что он оказался историческим соблазном и испытанием, выдержать которые Россия, к несчастью, не смогла. Ни общество, ни Синод, ни Царская Семья... Ни монархисты, ни республиканцы, ни консерваторы, ни либералы. Ни политики, ни депутаты, ни писатели, ни читатели. Ни современники, ни, похоже, их потомки». Не желая судить о степени личной ответственности сибирского странника, А. Н. Варламов тем не менее утверждает: через него прошел один из самых страшных разломов русской жизни, последствия которого сказываются и по сей день. Вспоминая евангельскую фразу о том, что «невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк 17: 1), автор полагает возможным отнести их («в известной мере») и к Гр. Распутину⁷⁸.

Но ведь «соблазнитель», пусть даже и невольный, непременно должен осуждаться, а если использовать церковный язык — и соответствующим образом называться. В таком случае деятельность Гр. Распутина следует признать шедшей «от лукавого», главного «соблазнителя» в мире сем. Так невольно мы приходим к необходимости вновь и вновь задаваться вопросом, следует ли обращать преимущественное внимание на «соблазнительные» факты жизни «старца», объяснять и/или осуждать их либо пытаться проанализировать восприятие этих фактов, конечно, с учетом того, что на него оказывало существенное влияние социально-психологическая обстановка, сложившаяся в России начала XX века?

Однозначного ответа на поставленный вопрос у меня нет, тем более, что и ныне современная социально-психологическая обстановка существенным образом влияет на наше отношение к прошлому, к той России, которая погибла в 1917 г. Гр. Распутин был порожден *своим временем*, если угодно — был человеком *своего времени*. Даже если самонадеянно утверждать, что он — один из главных непосредственных виновников революции, то невозможно не сказать и о другом немаловажном обстоятельстве: он и первая ее жертва.

⁷⁸ Варламов А. Григорий Распутин-Новый. М., 2007. С. 717–718, 786.

* * *

В связи со сказанным следует вновь задуматься над тем, нужно ли снова обращаться к личности сибирского странника, собирать и публиковать материалы, ему посвященные (тем более, что публикаций — как pro, так и contra — за минувшие годы было издано достаточно)?

На мой взгляд, в условиях мифологизации исторического сознания, стремления в очередной раз пересмотреть прошлое, кардинально поменяв оценочные знаки и даже представить Гр. Распутина «праведником» и «святым», оклеветанным врагами России, выпуск антологии, посвященной истории формирования *легенды о Распутине*, и оправдана, и востребована. В антологии показано, как, начиная с первых публикаций о сибирском «старце» (т.е. с 1910-х гг.), постепенно складывался миф о всесильном «Друге Царей», как этот миф обрастал разного рода подробностями, зачастую фантастического свойства, и, наконец, как этот миф оказался питательной средой для создания литературного образа, подменившего собой реального человека, превратившегося в символ. Для одних это был символ «гнилости» и «распада» существовавшей власти, для других — символ праведности и верности.

Еще в 1920-е гг. князь Н. Д. Жевахов, человек крайне правых убеждений, лично знавший Гр. Распутина, цитируя слова петроградского митрополита Питирима (Окнова), писал: «“Распутин” — имя нарицательное, специально предназначенное для дискредитирования Монарха и династии в широких массах населения. Носителем этого имени мог быть всякий близкий ко Двору человек, безотносительно к его достоинствам или недостаткам. Идея этого имени заключается в том, чтобы подорвать доверие и уважение к личности Монарха и привить убеждение, что Царь изменил Своему долгу перед народом и передал управление государством в руки проходимца»⁷⁹.

В этом, думается, и заключалась суть проблемы: если бы Распутин не было, то его нужно было бы выдумать. Другое дело, что «выдумали» его не случайно, и к тому же «вовремя» и «к месту». «Самый литературный герой русской истории», Гр. Распутин оказался de facto поглощенным мифом о самом себе. Насколько этот миф соответствовал «психологии момента» — и до 1917 г., и в советский период, и в посткоммунистической России, насколько время влияло на трансформацию личности нашего героя — эти вопросы и предполагается рассмотреть в антологии, поместив на ее страницах соответствующие тексты.

Антология состоит из *шести* разделов, первый из которых — «Образ сибирского странника в дореволюционной и революционной публицисти-

⁷⁹ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 1. Сентябрь 1915 — март 1917. С. 106.

ке» — представляет собой собрание публикаций известных и неизвестных ныне авторов, которые составляли свои статьи по слухам и сплетням, часто пользуясь недостоверной или не вполне проверенной информацией. Ряд авторов скрывали свои имена, подписываясь инициалами. Расшифровать некоторые из них, к сожалению, не удалось. Среди писавших о «старце» до революции были люди разных политических и идеологических направлений — от идейных монархистов, протестовавших против влияния «темных сил» на церковные дела (в частности, М. А. Новосёлов), до марксистов-ленинцев (таких, например, как крупный знаток русского сектантства В. Д. Бонч-Бруевич). Из тех, кто до 1917 г. пытался нарисовать портрет Гр. Распутина, были: либеральный журналист А. В. Руманов; любитель сенсаций петербургский корреспондент В. Б. Дувидзон (писавший под псевдонимом Вениамин Борисов); парадоксальный мыслитель В. В. Розанов; историк сектантства А. С. Пругавин. Выдержки из их работ, а также из работ некоторых других дореволюционных авторов (в том числе и знаменитого ученого В. М. Бехтерева) помещены в первой части антологии. Их ценность следует видеть прежде всего в том, что их писали *пристрастные современники*, видевшие в Гр. Распутине неординарную личность, хотя и оценивали эту неординарность исходя из собственных идейных установок.

Завершает первый раздел обширный отрывок из книги Л. Г. Жданова «Николай Последний», написанной и изданной весной 1917 г. Замечательный образчик «бульварной литературы», книга Л. Г. Жданова дает представление о том, как писали о Гр. Распутине либеральные публицисты, даже не замечавшие (или делавшие вид, что не замечают) совершаемой подмены: для них «старец» был не столько «порочным человеком», сколько символом павшего «порочного» и «прогнившего» строя. Весь набор грязных слухов и домыслов здесь представлен настолько ярко, что публиковать еще какие-либо «откровения» о сибирском страннике, увидевшие свет в 1917 г., я посчитал излишним. Стоит лишь отметить, что в 1917 г. личность Гр. Распутина максимально демонизировалась. Многие слухи и сплетни о нем, появившиеся тогда на страницах бульварных изданий, в дальнейшем обрели силу «исторических фактов», послужив основанием для конструирования его мифологизированного образа.

По моему мнению, первый раздел антологии наиболее важен для того, чтобы лучше понять, как складывался *распутинский миф*, насколько он влиял на восприятие современниками сибирского странника, почему это восприятие в большинстве случаев было негативным. Комментировать данные работы значит, по существу, развернуто излагать биографию Гр. Распутина, что, на мой взгляд, не имеет смысла при наличии относительно недавно изданных книг (например, упоминавшихся выше А. В. Терещука и А. Н. Варламова). Более правильным представлялось дать краткие биографии лиц, о которых

шла речь в статьях и очерках дореволюционных авторов — журналистов, публицистов, писателей и исследователей, а также, если представлялась возможность, — и о самих авторах.

Второй раздел антологии — *«Григорий Распутин: материалы к социально-психологическому портрету. (Советский и постсоветский периоды)»* — содержит статьи авторов, пытавшихся нарисовать образ «старца», используя не только методы исторического анализа, но и привлекая достижения фрейдизма (Н. Н. Евреинов), медицины, а также используя религиозно-философский подход. Помимо хорошо известной работы Н. Н. Евреинова о «тайне Распутина», в этом разделе публикуются статьи: советского историка А. А. Сидорова, составившего статью-комментарий к опубликованным в первой половине 1960-х гг. материалам ЧСК Временного правительства о «последнем временщике последнего царя»; советского психиатра и психотерапевта профессора В. Е. Рожнова; упоминавшихся выше А. П. и Д. А. Коцюбинских; медико-социологический комментарий к одной из их работ психиатра и сексолога Д. Д. Исаева; «Штрихи к религиозно-философскому портрету Г. Е. Распутина» тюменского историка и журналиста А. В. Чернышова.

Третий раздел — *«Григорий Распутин в изображении современников-эмигрантов, отечественных исследователей и публицистов»* — открывается отрывком из воспоминаний И. А. Гофштеттера, первоначально — «друга», затем жесткого критика (но не «врага») сибирского странника. Воспринимая Гр. Распутина в качестве «загадочного психологического феномена русской истории», И. А. Гофштеттер не преследовал цели развенчать его или же «восславить». Составляя свои записки спустя много лет после крушения монархической государственности в России, автор пытался показать, что в те или иные периоды жизни и в различных обстоятельствах «старец» был разным. В этом отношении он смотрел на Гр. Распутина так же, как и Н. Д. Жевахов. Поместить отрывок из воспоминаний И. А. Гофштеттера меня заставило то обстоятельство, что они впервые были опубликованы только в 2017 г. и до сих пор известны лишь узкому кругу историков. С другой стороны, автор был трезвомыслящим человеком, самобытным философом, пытавшимся, рассуждая о Гр. Распутине, понять и те глобальные социальные пертурбации, что привели к гибели старой России и часто ассоциировались с именем «старца».

Далее следует отрывок из воспоминаний А. Ф. Керенского — одной из наиболее пререкаемых политических персон эпохи русской революции. Как и в случае с И. А. Гофштеттером, заметки министра-председателя Временного правительства представляют прежде всего социально-психологический интерес (особенно учитывая его демократическую позицию и отношение к самодержавной государственности в целом). Давно и хорошо известные исследователям, записки А. Ф. Керенского, на мой взгляд, могут представлять интерес в «обрамлении» воспоминаний и публицистических

работ — как появившихся в повременной печати 1910-х гг., так и уже упомянутого И. А. Гофштеттера. К сожалению, ограниченный объем антологии заставил меня отказаться от публикации отрывка из книги Б. Алмазова, чья «историческая справка» под названием «Распутин и Россия» была впервые опубликована в 1922 г. в Праге. Не будет преувеличением сказать, что книга Б. Алмазова была первой серьезной попыткой написать биографию «старца» в контексте истории предреволюционной России. Он писал ее тогда, когда были живы многие политические, общественные и религиозные деятели николаевского царствования, знавшие Гр. Распутина, общавшиеся с ним, почитавшие и/или ненавидевшие его. Автор писал о том, что в то время еще волновало, что обсуждалось и в большинстве случаев осуждалось. Писал он достаточно корректно, не стремясь встать на какую-либо «партийную» позицию. Поскольку эта книга ныне переиздана и имеется в интернете, заинтересованный читатель может ознакомиться с ней целиком самостоятельно.

По-иному пытался рассказать о феномене Гр. Распутина русский публицист и мыслитель И. Л. Солоневич — участник Белого движения и деятель антисоветского подполья, в 1934 г. сумевший бежать из СССР. Непримирымый антикоммунист, И. Л. Солоневич стремился понять причины русской революции, которую воспринимал как национальную катастрофу. Его интерес к фигуре Гр. Распутина представляется и оправданным, и логичным. В 1939 г. он написал специальную статью «За тенью Распутина», которая также помещена в настоящей антологии.

Следом представлен отрывок из книги меньшевика-эмигранта Г. Я. Аронсона «Распутин и евреи», в которой автор попытался без излишней ажитации рассмотреть этот непростой (для восприятия многих русских эмигрантов) вопрос. Это важно и потому, что еще в 1925 г., в Риге, была опубликована книга «Распутин и евреи» упоминавшегося выше Арона Симановича, сразу же вызвавшая множество претензий к автору, подававшего факты вперемешку со слухами.

Далее идут материалы, принадлежащие перу наших современников: сугубо «советская» по форме статья «Распутин и распутинщина» московского историка А. Я. Авреха (1990); предисловие к книге «Распутин» советского диссидента, публициста и писателя А. А. Амальрика, написанное петербургским историком В. С. Дякиным (1992); две газетные статьи петербургских профессоров И. П. Лейберова и Ю. Д. Марголиса — о Гр. Распутине и «распутинщине» (1993, 1994); большая публикация московского журналиста и писателя «молодогвардейского направления» В. М. Фалеева («За что убили Григория?», 1991); две статьи московского исследователя Г. З. Иоффе («Распутиниада» и рецензия на книгу Э. С. Радзинского «Распутин: жизнь и смерть»; 1998, 2002); отрывок из монографии известного культуролога А. М. Эткинда «Хлыст», впервые изданной в 1998 г. Завершает раздел от-

рывок из публикации петербургского исследователя А. М. Кулегина («Кто убил Распутина? Версии и факты о покушениях на святого чёрта»), увидевшей свет в 2011 г. в серии «Легенды политической истории», издаваемой Государственным музеем политической истории России в С.-Петербурге.

Настоящие публикации показывают, как у отечественных авторов изменялась форма подачи материалов о Гр. Распутине, а вместе с этим менялась и расстановка акцентов. В связи со сказанным особенно показательна публикация В. М. Фалеева, пытавшегося доказать, что сибирский странник был «прозорливцем», философская установка которого заключалась в тезисе: «Если любишь, то никого не убьешь...» Проповедник учения о «нищете духа», Гр. Распутин, по словам В. М. Фалеева, повлиял даже на будущего патриарха Сергия (Страгородского): восприняв учение о «нищете духа», Сергий содействовал сохранению РПЦ в период жестокого сталинского режима!⁸⁰ В данном случае больший интерес представляют не сколько «новые материалы», которые автор якобы вводит в оборот, а ход его мысли. Вот уж, действительно, «миф» и «логос» при желании мастеров слова могут сплетаться в удивительно прочное целое, которое невозможно разбить никакими аргументами!

Четвертый раздел особо характеризовать не приходится — все сказано в его названии: «*Официальная церковная оценка личности Григория Распутина*». В нем представлены как собственно церковные материалы (сюжет «Царская Семья и Г. Е. Распутин», подготовленный Синодальной комиссией РПЦ по канонизации святых в 1996 г.), так и реакция церковных деятелей (клириков и мирян) на попытки представить Гр. Распутина «святым» и «праведным». Материалы эти взяты из журнала «Благодатный огонь».

Пятый раздел — «*Русский старец с посохом в руке*» — целиком представлен работами тех, кто воспринимает Гр. Распутина как святого праведника. Открывается раздел текстами самого «старца»: «Житием опытного странника» и «Моими мыслями и размышлениями». Полагаю, что эти тексты позволят лучше понять мотивацию тех, кто глубоко убежден в том, что Гр. Распутин был подлинный «православный герой» дореволюционной России, оклеветанный врагами веры, Родины и престола. Следом я поместил решения «Освященного Собора Епископов Катакомбной Русской Православной Церкви» и акт «Освященного Собора...» о причислении Гр. Распутина к лику святых. Решение было принято «катакомбниками» еще в феврале 1991 г. Далее идут «Акафисты», посвященные Гр. Распутину, являющие собой любопытную картину маргинального «творчества» современных почитателей сибирского странника.

⁸⁰ См.: Фалеев В. За что убили Григория? (Новые материалы к биографии Г. Е. Распутина) // Дорогами тысячелетий. Сборник исторических статей и очерков. М., 1991. Кн. 4. С. 193–194.

Далее в разделе помещены статьи о «праведном старце», принадлежащие перу А. А. Щедрина (известного также как Н. Козлов), публикации, взятые из книги И. В. Евсина «Оклеветанный старец» («Предсмертное пророчество Г. Е. Распутина» и фрагмент статьи «О ритуальном значении убийства Г. Е. Распутина и Царской Семьи» Н. Козлова); фрагмент публикации книги Ф. Н. Козырева «Распутин, которого мы потеряли», и, наконец, статья С. В. Фомина «Затянувшаяся “Агония”», в которой автор пишет о ком, как, по его мнению, формировался и укреплялся лживый миф о Гр. Распутине. Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что для С. В. Фомина Гр. Распутин — человек, на которого не только клеветали в течение многих десятилетий, но и продолжают возводить клевету до сего дня.

Наконец, последний, шестой, раздел антологии посвящен образу «*Распутин в литературе*». В этот раздел включены как известные, так и совершенно неизвестные стихотворения и поэмы, посвященные сибирскому страннику. Открывает раздел стихотворение, появившееся в 1910-х гг. в среде противников Гр. Распутина из консервативного лагеря, за ним помещено «произведение» писателя Льва Никулина («О старце Григории и русской истории»), написанное и опубликованное им в 1917 г., вскоре после Февраля под псевдонимом Анжелика Сафьянова. Публиковать иные «поэмы» и стихотворные «сказания», написанные в 1917 г., я посчитал бессмысленным: «политическое настроение» живших в то время «пиитов» хорошо видно и на одном только примере Льва Никулина.

Следом за Львом Никулиным в антологии представлены произведения действительно выдающихся поэтов: Н. С. Гумилева и Н. А. Клюева. Первый написал свое стихотворение о «старце» («Мужик») уже в 1918 г., второй вывел его в поэме «Четвертый Рим», опубликованной в 1922 г. Завершает подборку стихов «дореволюционных» поэтов поэма П. В. Орешина «Распутин», написанная в 1926 г. и опубликованная годом позже.

Для того чтобы лучше представить, как могли воспринимать советские читатели Гр. Распутина, в антологии помещены отрывки из двух наиболее известных в «доперестроечном» СССР книг на «царскую» тему: М. К. Касвинова — «Двадцать три ступени вниз», и В. С. Пикуля — «Нечистая сила». Если первая была пристрастным документальным повествованием, то вторая — вульгарным романом, в котором «художественно» описывались «похождения» сибирского странника. Эти тексты были включены в антологию вовсе не для того, чтобы показать, как в Советском Союзе, где невозможно было писать о Гр. Распутине «pro», оформлялась «contra». Важнее, читая представленные отрывки, где все-таки присутствуют живые, хотя и до неприличия шаржированные исторические персонажи, задуматься над тем, как «форма» влияла на «содержание». Ведь советский человек со школьных лет изучал деперсонифицированную историю, историю-схему, а не историю-рассказ.

Завершает шестой раздел подбор стихотворений, посвященных Гр. Распутину (некоторые из которых были положены на музыку и ныне популяризируются в виде песен). Среди авторов есть известные лица (например, Г. Р. Пономарев), но большинство широкому кругу читателей совершенно неизвестно. И все же, я считаю, знакомство с их творчеством полезно, — прежде всего потому, что эти поэты в большинстве своем живут в плену распутинского мифа, продолжая, в меру своего поэтического дарования, «реабилитировать» и славословить его. Для них Гр. Распутин — действительно *старец*.

...Известная испанская пословица гласит: «Сон разума рождает чудовищ». Родилась она в XVIII веке, когда великий художник Франсиско Гойя создал рисунок «Сон разума», пояснив его фразой о том, что когда разум спит, фантазия в грезах порождает чудовищ, но в сочетании с разумом она становится матерью искусства и всех его чудесных творений. Мысль, высказанная Ф. Гойя, достаточно проста: разум должен бодрствовать, иначе навязчивые фантазии могут овладеть сознанием человека. Необходима цензура рассудка над чувствами и воображением. На минуту согласимся с этим тезисом. Согласившись, признаем, что чувства и воображение необходимо подчинять жесткому контролю. Но контроль не всегда приводит к искомому результату, часто именно трезвый рассудок порождает монстров, причем не метафизических, а вполне конкретных, «телесных». Есть от чего прийти в уныние!

Миф, в том числе (и прежде всего) политический, обыкновенно связан со «сном разума». И распутинский миф тому печальное доказательство. Но можно ли «силой знания» добиться пробуждения «спящего разума», рационально объяснить то, что человек не может, не хочет и не умеет понимать рационально?

Вряд ли.

Да и верно ли, что в «бодрости» заключено «спасение» от опасных чудовищ, что в рациональном понимании — спасение?

Вопрос не имеет ответа. Понятно только, что «развенчание» распутинского мифа (впрочем, как и всякого другого, плотно укорененного в сознании человека) с помощью рациональных доводов невозможно. Важнее вопросы: что может влиять на распространение мифа и почему одна эпоха более благоприятна для его распространения, а другая — менее?

Ответы на эти вопросы можно искать с помощью исторических фактов, «объективных» и «пристрастных» свидетельств очевидцев, сознательно запущенных в оборот фальшивых документов, «сказочных» историй, аналитических, публицистических и даже художественных работ. Помочь заинтересованному читателю *искать и находить такой ответ* и призвана настоящая антология.

